

Чингиз

АБДУЛЛАЕВ

Срок
ПРИГОВОРЕННЫХ

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев

Срок приговоренных

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131978
Срок приговоренных: АСТ, Астрель; М.: 2008
ISBN 978-5-17-055308-2, 978-5-271-22408-9

Аннотация

Их – двое. И у них нет ничего общего... кроме одного: оба обвиняются в убийствах. Но что может связывать кристально честного сотрудника секретного отдела госбезопасности с загадочной гибелью высокопоставленных чиновников и банкиров, перевозящих за границу огромные суммы денег? Но зачем веселому, легкомысленному директору турфирмы убивать не только своего друга и партнера по бизнесу, но и любимую женщину? Их – двое. И они не желают быть бесправными жертвами чужих преступлений. Они еще не знают друг друга. Они ведут собственные расследования – пока с разных сторон. Но рано или поздно они встретятся в одной точке. В точке под названием «истина»...

Содержание

Рассказ первый	6
Эпизод первый	21
Рассказ второй	41
Эпизод второй	51
Эпизод третий	64
Эпизод четвертый	72
Рассказ третий	94
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Чингиз Абдуллаев

Срок приговоренных

*Наша житейская ярмарка тщеславия
свершается на площади, окруженной четырьмя
зданиями – больницей, сумасшедшим домом,
богательней и тюрьмой.*

Жильбер Сесброн. «Счастье по пустякам»

Я расскажу вам эту историю так, как она произошла. Не прибавляя ни слова, ничего не придумывая. Да это и ни к чему. Сама по себе она настолько драматична, что сочинить ее можно только в бреду. Сейчас мне даже кажется, что все произошедшее настолько невероятно, что некоторые детали я начинаю додумывать – если уж фантастика, то пусть ею и будет. Но и это зря – в жизни вероятным оказалось самое невероятное. Фатум судьбы или воля провидения, а может быть, направляющая рука господина, в которого я начал в последнее время верить, выстроили события именно так, как они произошли. Ни больше и ни меньше.

Я расскажу вам всю историю, и только потом вы сможете все оценить полной мерой. Для этого не нужно обладать особыми качествами ума или души. Достаточно быть просто двуногим существом, которое ест, пьет, спит, размножается, поглощает кислород, выделяя углекислый газ, от избытков коего в последние годы страдает наша планета. Короче гово-

ря, мою историю поймет самый примитивный человек, который отдает себе отчет в том, что рано или поздно разложившуюся людскую плоть отправят гнить в землю. Или, лишив червей корма, засунут в печь крематория, чтобы спасительный огонь спалил то, что ранее называлось личностью, имевшей имя и фамилию.

Нет, я не мизантроп, если вы так подумали. И не бесчувственная скотина из тех, кого в последние годы развелось слишком много. Просто я приговоренный. Тот самый приговоренный, последние часы которого уже начали отсчитывать безжалостное время. Мой срок скоро истекает. И поэтому я обязан рассказать вам всю правду – как это было на самом деле. Если вы, разумеется, готовы меня слушать.

Рассказ первый

В этот день я пришел на работу к девяти. Как всегда. И, как всегда, опоздал на несколько минут. Все точно рассчитать невозможно, а в московских пробках можно проторчать и полдня. Впрочем, у нас это не оправдание. Вот, например, Семен Алексеевич, тот никогда не опаздывает. Хотя мы живем в одном районе, почти по соседству. Может, вся разница в том, что его привозит служебная машина со специальной мигалкой, а я добираюсь на работу на своей «девятке». Повторяю, что это не оправдание. Можно выезжать раньше и тогда вообще приезжать на десять-пятнадцать минут раньше. Правда, я до сих пор не понимаю, почему надо являться на работу раньше времени. По-моему, это полный идиотизм. Но тем не менее мы обязаны быть на службе вовремя, если, конечно, не ночью. В этом случае положены сутки отдыха.

Вы уже, наверно, догадались, где я работаю. Все правильно. Раньше я считался бывшим сотрудником Комитета государственной безопасности. Одно только упоминание этого места могло привести в ужас кого угодно. Устрашающая аббревиатура из трех букв. Когда меня брали в КГБ, я полгода ходил гордый от сознания того, что попал в сонм избранных. В такую организацию! Это было в восемьдесят третьем. Вот именно, вы правильно все просчитали. При Андропове. Слово «КГБ» тогда означало власть, силу, славу. Ну и тому

подобную дребедень. Это мы сейчас так думаем, тогда «работали» другие истины, начертанные на плакатах многолюдных праздничных демонстраций, например: «Партия – ум, честь и совесть эпохи», – а советские чекисты, как известно, составляли передовой отряд партии. Хотя, с другой стороны, известно было и другое: не все истина, что начертано на знаменах.

Я проработал в КГБ несколько лет, после чего меня перевели в Девятое управление. Это было элитарное подразделение, занимавшееся охраной высших должностных лиц страны. До августа девяносто первого я успел повидать некоторых наших «высших». Зрелище, скажу честно, малопривлекательное. Скорее – мерзопакостное. На парадных портретах они выглядели такими задумчиво-мудрыми, словно только и делали, что думали о благе народа. На самом же деле былидохлыми импотентами, не способными не только мыслить, но и командовать, даже у себя дома. Жены сидели у них на шее, детишки нагтели на глазах. С женами вообще проблемы были особые. По существу, мы охраняли не «члена», а его семью, в которую, кроме «самого», входила его жена, обязательно ее мама, ее родственники, дальние и близкие, дети и внуки. Причем главной в семье бывала, как правило, стерважена, которая выматывала все жилы у нашего брата. Приходилось уже думать не об охране, а о том, как угодить очередной стерве из выбившихся в люди домработниц и ткачих.

Я к домработницам никаких претензий не имею. И к тка-

чихам у меня нет никакой неприязни. Но когда такую вот особу из Урюпинска перевозят в Москву и сажают на шею мне, человеку с университетским образованием, офицеру, который десять лет учился, прежде чем его допустили до охраны этой тетки и ее не самого гениального супруга, я начинал тихо звереть.

Но в августе девяносто первого все кончилось. Наше управление глупо подставилось, охрану вывели из КГБ и передали в подчинение Президента. Потом было много всякого невкусного, что нам пришлось хлебать, затем КГБ и вообще перестал существовать. Вскоре и коммунистов запретили. Вот тогда и выяснилось, что все они дерьмо. Ни один из них на защиту своих принципов не встал, ни один не полез на баррикады. Все сидели по своим дачам и лопали свои пайки из правительственных магазинов, которые у них еще не успели отобрать. Несколько человек, правда, в тюрьму попало. Их я уважаю, у них все же были свои принципы. Пусть и непонятные для других, но все же принципы. Один даже застрелился. Меня на дачу туда повезли. Это же нужно такое учинить! Среди всех дохлятиков один герой и оказался. Да, еще маршал повесился. И несколько чиновников из окна прыгали, словно не могли нас позвать, чтоб мы им помогли. Впрочем, думаю, что и помогли. Слишком уж они дружно из окон посыпались, как горох. Хотя я не помогал, не знаю. Может, кто-то и расскажет другую историю...

Ну, стал я служить в охране. К тому времени, когда все на-

чалось, я уже подполковника получил. Говорили, с перспективой на большее. Хотя это уже теперь в прошлом, но, может, я действительно мог бы в начальство шагнуть. Только рылом, наверно, не вышел. Да и в теннис играть не научился. Вот если бы Хозяин в шахматы играл, тогда, может, и выгорело бы с карьерой, у меня все-таки первый разряд. А Семен Алексеевич – мой непосредственный начальник. Полковника он получил, еще когда я в лейтенантах ходил. Человек он спокойный, даже флегматичный, но, главное, порядочный, не карьерист.

Забыл представиться. Меня зовут Леонидом. Мама говорила, что назвала меня в честь спартанского царя. Ей всегда нравилась эта печальная и гордая история. Все уходят из города, но триста спартанцев остались, и царь предпочел умереть, но не покориться персам. Правда, в молодости у меня были определенные проблемы. Я ведь родился, когда Гагарин полетел в космос, как раз в апреле шестьдесят первого. Представляете, как смеялись надо мной ребята в институте, считая, что я назван в честь бровастого Генсека. А он, когда я родился, вообще был никем. В нашей бывшей стране уж так повелось: если ты первый, значит, все решаешь и все можешь себе позволить. Если второй – ты ноль. Без палочки. Никаких у тебя прав нет. И никогда не будет. Поэтому вторые сходили с ума от зависти к первым, по возможности подсиживали их.

Второй мечтал стать первым, третий – вторым, четвертый

– третим. И так далее. Но так как первые не хотели уходить, усевшись на свои места на года и десятилетия, вторые, отчаявшись, самозабвенно интриговали и предавали их направо и налево. Но это уже о другом. А вот об имени... Я все-таки думаю, что мама действительно назвала меня в честь спартанского царя, а не смешно шамкающего Генсека, который в конце жизни уже двух слов связать не мог.

Я сидел на работе, когда раздался тот самый звонок, который все перевернул в моей жизни. Звонила моя бывшая жена. Должен сказать, что к тридцати девяти годам я успел жениться и даже развестись. Правда, едва не женился вторично, но вовремя спохватился и не совершил такой глупости. Может, потому я и опаздываю на работу, что никто меня не будит и не готовит завтраки? Но если бы мне еще кто-то готовил завтрак, я бы наверняка опаздывал не на десять, а на тридцать минут минимум.

Вообще-то Алена была неплохой женой, но несколько истеричной. Все ее раздражало, а мои постоянные ночные дежурства, особенно в начале девяностых, становились непрерывным поводом к скандалам. Она считала, что у меня есть «левая» женщина, к которой я хожу на ночь. Сколько раз она названивала мне на работу, требуя позвать к телефону! Кончилось это тем, что у меня действительно появилась знакомая, к которой я отправлялся ночевать. Потом мы поняли, что так больше продолжаться не может. И решили разводиться. К тому времени у нас подрос сынишка. Ему было

шесть лет, и все эти годы я только из-за него и терпел. Но потом все как-то утряслось. Алена вышла замуж второй раз – за врача. Очень хороший парень, мы потом познакомились. И врач, говорили, толковый. Мой сынишка привык к нему, хотя никогда папой не называл. Он для него был дядя Андрей, а папой всегда оставался я. Хотя Алена злилась и требовала, чтобы он своего отчима папой называл. Так тот стал отцом его называть, но не папой. Улавливаете разницу?

Славный мальчишка. После развода прошло уже несколько лет, и сейчас он учился уже в шестом классе. Достаточно взрослый парень, чтобы соображать, что к чему. Вообще мы с ним дружили. Правда, виделись нечасто. Аленка сильно комплексовала, поэтому я не настаивал. Главное, что парень рос самостоятельным и толковым человеком, а это со стороны мне было заметно. Звали нашего сына Игорем, в честь отца Алены, умершего незадолго перед рождением внука. Хороший мужик был. Мы с ним друг друга неплохо понимали. Вполне приличная семейка могла быть, если бы не скандалы моей жены и мое нежелание долго их терпеть. Теперь же меня интересовало, как она живет с Андреем. Неужели и с ним постоянно ругается? Но у сына я никогда не спрашивал, неудобно все-таки влезать в чужую жизнь. Да и при сыне не хотелось выглядеть таким рохлей: потерял жену, а все еще интересуюсь. Но, видимо, Андрей оказался действительно неплохим мужем. У них родилась девочка, единоутробная сестренка моего сына. Именно единоутроб-

ная. Я не ошибался. Почему-то о таких детях часто говорят, что они сводные брат и сестра. Ничего подобного. Сводные – это когда вообще чужие. Каждый пришел со своим ребенком в семью. А единоутробные – родные по матери. Если по отцу, то единокровные. Мне эти тонкости один филолог объяснил, мой самый лучший друг. В отличие от меня он никогда не был женат принципиально. Считал, что семья сковывает творческие силы человека. Его звали Виталиком, и мы обожали сражаться за шахматной доской. Правда, он меня здорово обставлял. У него мастерский норматив, а у меня только первый разряд. Но иногда партии бывали чертовски увлекательные.

Виталик вообще не от мира сего – специалист по древнерусской литературе. Вы представляете, в наше время иметь такую профессию? Он получает раз в пять меньше меня, хотя уже давно защитил кандидатскую и пишет докторскую. Но, видимо, доктора наук нужны в нашей стране меньше, чем мои накачанные бицепсы охранника. Поэтому я, подполковник службы охраны Президента, получаю больше пяти докторов наук. И никто не видит в этом ничего оскорбительного.

В общем, в тот день позвонила Алена. Когда она начинала плакать, я ничего не мог понять и всегда терялся. На сей раз она не плакала. В ее голосе появились какие-то неизвестные мне нотки. Я чувствовал, что она едва держит себя в руках. И это тоже на нее очень не похоже. Обычно она не сдержи-

валась. Обычно она сначала кричала, потом ругалась, потом плакала, потом снова ругалась. И так, пока не доказывала свою правоту. Но в этот день она не кричала.

– Леня, – сказала она незнакомым тихим голосом, – нам нужно срочно встретиться и поговорить.

Странно, что она вспомнила, как называла меня раньше. Последние годы перед разводом она называли меня либо полным именем, либо по фамилии, когда очень злилась. Впрочем, мою фамилию она поменяла сразу, как только мы развелись.

– Что-нибудь случилось? – догадался я.

– Случилось, – отвечает она, – я хочу, чтобы ты тоже знал.

Все-таки ты его настоящий отец.

– Что с Игорем? – завопил я, уже плохо соображая.

– Пока ничего. Но врачи подозревают... – Она ничего не сказала, потом как-то странно всхлипнула и попросила: – Ты можешь приехать?

Таким голосом она меня в жизни ни о чем не просила. Если бы она так всегда разговаривала со мной, мы бы никогда не развелись.

– Приеду. Прямо сейчас приеду. Ты где находишься?

– Я... – Она искала и не находила слов. Может, поняла, если назовет больницу, я все пойму. – Приезжай к нашему дому, – сказала она, – мы сейчас с Андреем приедем.

Значит, дело совсем плохо, если они вместе с Андреем приедут, понял я. Уже плохо соображая, бегу к Семену

Алексеевичу с просьбой отпустить меня. Сообразив, что у меня дома что-то случилось, он молча кивнул головой. Вот за такие вещи мы его и уважали. Он всегда молчал, когда нужно, и говорил очень редко. Всегда по делу. Теперь он даже не спросил, когда я вернусь.

Я бросился к машине и едва не стукнул свою «девятку», когда выезжал со стоянки. А потом, выжимая из автомобиля все возможное, гнал к дому моей бывшей жены. Уходя, я оставил им свою квартиру, а сам снимал комнату. Потом, правда, Семен Алексеевич выхлопотал мне двухкомнатную, в которой я жил один, как король. Все девицы, которые иногда появлялись в моей огромной квартире, изумлялись ее величине – она вполне могла сойти за пятикомнатную в «хрущобах».

Я домчался на место через пятнадцать минут, хотя обычно дорога занимала минут тридцать – тридцать пять. На трассе многие сотрудники ГАИ знали меня в лицо, поэтому-то мне и удалось проскочить так быстро. Когда я приехал, их еще не было у дома. Я в нетерпении кусал губы, гадая, что именно могло произойти, но уже тогда понимал, что просто так Алена мне бы не позвонила.

Они приехали еще через пятнадцать минут. Я бросился к машине. В автомобиле, кроме Андрея и Алены, никого не было.

– Где Игорь? – заорал я не своим голосом.

– Он дома, – ответил Андрей, и я обессиленно прислонил-

ся к машине. Честное слово, я предполагал самое худшее...

– Успокойся, – сказала Алена, выходя из машины. Она, видимо, поняла мое состояние. Ведь если разобраться, у меня, кроме них, никого не было. Ну, может, еще Виталик. И больше никого – на всем белом свете. Знакомых много, есть даже такие, которых по привычке называю друзьями. Есть женщина, с которой я встречаюсь последний год. Но по-настоящему близких людей у меня не так много, это я отчетливо понял именно в тот момент у машины.

– Что случилось? – спрашиваю я, а на мне уже лица нет. Только белая маска.

– Игорь заболел, – коротко ответила Алена. Вообще она стала какой-то другой. Или я раньше ее не видел. Более четкая, более собранная, что ли. Почему я раньше не замечал, что она выросла? Мы ведь поженились, когда ей еще двадцати не было.

– Как это заболел, – не понял я, – чем заболел? Почему он дома? Где вы были? Откуда ты мне звонила?

– Нам показали результаты анализов, – твердо сказала она. – У него... – Она отвернулась, кажется, всхлипнула. Но сразу взяла себя в руки. Господи, неужели должна была случиться такая трагедия, чтобы она из истеричной бабы превратилась в настоящую женщину? – У него... – Она снова не смогла найти подходящего слова. – В общем, его нужно срочно на полное обследование. Очень срочно. Врачи считают, что ему можно помочь, если все сделать достаточно

быстро. У него непорядок с сердцем.

Она ответила на все мои вопросы. Почти на все.

– Где Игорь? – спросил я.

– Дома, наверху, – она кивнула головой.

Забыл сказать, что, пока мы говорили, Андрей отошел в сторону. Да, очень хороший парень, хотя и рыжий. Почему Алене понравился рыжий? Хотя я тоже не очень черноволосый. Волосы у меня русые, сейчас больше седые. Ну мне и лет побольше, чем Андрею.

– У него плохо? – спрашиваю я, чтобы больше не говорить на эту тему.

Она кивает головой и снова молчит. Черт возьми, я даже не думал, что она может так измениться. И всего за несколько лет. Она отвернулась в сторону, наверное, пыталась справиться с мыслями. К нам подошел Андрей.

– Мы уже все решили, – твердо сказал он, – мы продадим нашу квартиру и переедем к моей маме. На эти деньги мальчика можно повезти за границу. Они говорят – лучше в Германию или в Швейцарию. Можно в Израиль, сейчас там много хороших врачей, у меня немало друзей уехали туда.

– Как это квартиру? – спрашиваю я, ничего не понимая. – Ты будешь продавать квартиру? Вы переедете к маме?

– Вообще-то это твоя квартира, – смущенно говорит Андрей, – если ты не будешь возражать, конечно.

Он хочет продать квартиру, в которой живет, в которой успел сделать ремонт, поменять всю мебель, прожить с же-

ной несколько лет. И в которой родилась их девочка. Продать, чтобы спасти моего сына. Представляете, каким подлецом я окажусь, если вдруг начну отказываться.

– Но почему продать? – все еще не понимаю я.

– Обследование очень дорогое. А если назначат полный курс лечения, это вообще большие деньги, – тихо проговорил Андрей. – Ты не думай, я все свои сбережения отдам. Машину продам. Но у меня много нет, ты ведь знаешь, мы все в ремонт ухнули. И мебель новую купили.

– У вас ведь трехкомнатная квартира, – машинально говорю я, – много не дадут.

– У нас четырехкомнатная, – возражает Андрей, – хорошая квартира. Я ведь тебе объяснил, что все деньги на ремонт ушли. Помнишь Варвару Николаевну, вашу соседку? Мы ее двухкомнатную квартиру у сына купили, когда она умерла. А потом из двух квартир сделали одну.

– Кто купил? – спрашиваю я, все еще ничего не соображая.

– Мы купили. – Он даже в этот момент не говорил, что это он купил. Как он мог купить квартиру? Откуда у врача, пусть даже такого опытного, как Андрей, могло появиться столько денег? – Я дачу свою продал, чтобы купить их квартиру, – поясняет он, словно извиняясь.

И он еще спрашивает моего разрешения!

– Подожди, – говорю я решительно, – почему ты должен что-то продавать? Продам я. У меня большая квартира. За

мои две комнаты дадут больше, чем за ваши четыре. У меня в центре, в самом центре. Да еще в таком здании. За нее столько денег дадут, что я пять квартир купить смогу, – говорю и понимаю, что ничего не выйдет. Никто мне не разрешит продавать квартиру в таком доме. Это ведь почти что ведомственная квартира. И получил я ее недавно. Если даже плюну на все и продам, то нужно уходить с работы. Да еще могут действительно не разрешить. Я ведь ее даже не приватизировал.

– Нет, – говорит Алена, поворачиваясь к нам, – ничего ты продавать не будешь. Мы уже все решили. И вообще, я позвонила тебе, чтобы ты все знал. Андрей настоял, чтобы я позвонила и сказала тебе все. А помощь твоя нам не нужна.

Опять она стала превращаться в стерву, которую я так ненавижу.

– Подожди, – говорю я, чувствуя, как начинаю звереть, – при чем тут моя помощь? Я обязан помочь своему сыну. И никто тебя не спрашивает. Ты вообще помолчи, пока мужчины говорят.

– Вот видишь, – говорит она, обращаясь к Андрею, – я же тебе говорила, что ничего ему не нужно рассказывать.

– В общем, так, – я действительно начинал заводиться, – сейчас я иду к сыну и забираю его на сегодняшний день. А завтра мы с Андреем будем думать, что нам дальше делать. Что бы ты сейчас мне ни сказала, я все равно сделаю по-своему. Ты меня поняла?

Она, видимо, поняла. Она знала этот мой взгляд, когда я начинал звереть. Я вообще-то был человеком терпеливым, но, когда она меня заводила на полную катушку, я срывался с цепи и начинал все крушить. Говорят, что в этом виноват мой знак. Знак Овена. Знак барана, упрямого и злого. Еще говорят, что они очень работоспособные и талантливые. Насчет первого, наверное, правильно, а вот насчет второго... У меня никаких особых талантов не проявлялось. Нельзя же считать первый разряд по шахматам особым достижением.

Она замолчала, так ничего мне и не сказав. Только когда я пошел к подъезду, она вдруг громко сказала, как будто я был полным идиотом:

– Не говори ему ничего. Он ничего не знает.

Вот почему я с ней развелся. Неужели она думает, что я такая бесчувственная скотина? И прямо сразу начну обсуждать с ребенком эту тему? Я ничего не ответил, вошел в подъезд и направился к лифту.

Я этот день на всю жизнь запомнил. Потом у меня много тяжелых дней было. Очень тяжелых. И вообще все началось именно в этот день. Но первый день я запомнил из-за сына. На службу я даже не вернулся. Позвонил Семену Алексеевичу, что-то проямлил. И весь день провел с сыном. Я смотрел на него и замечал сходство со мной, двенадцатилетним. Я видел, как он смеялся, как хмурился, видел, как он разговаривал. Я следил за ним и понимал, что могу его потерять. Наверно, в какой-то момент он уловил мой взгляд и, удив-

ленно посмотрев на меня, вдруг очень тихо сказал:

– Ты сегодня какой-то не такой.

– Какой? – спросил я. Хорошо, что я не женщина, срываться не умею, но голос у меня все равно дрогнул.

– Не такой, – сказал он и больше ничего не стал объяснять. А я побоялся спрашивать. У моего терпения тоже есть какой-то предел. Целый день мы были вместе. Если попросить меня рассказать, что именно мы делали в этот день, я, наверно, не смогу. Да и какая разница! Мы были вместе в тот день. А это самое важное! Вечером я отвез его домой. Когда он выходил из машины, я чуть наклонился, чтобы его поцеловать. Но мы никогда раньше не целовались на прощание. Каким идиотом я был! Просто кретином! Я сдержался усилием воли, и он вышел из машины, кивнув, как всегда, мне на прощание. И пошел в подъезд. А я застыл, наклонившись, и заставил себя улыбнуться. Он ушел, а я все еще сидел в дурацкой позе. И точно знал, что найду деньги на его лечение. И на его операцию, если она все-таки понадобится. Точно знал, что сделаю все, что смогу.

Эпизод первый

Утром, проснувшись с тяжелой головой, он с досадой вспомнил, что это результат вчерашней вечеринки. «Нельзя напиваться до такой степени», – раздраженно подумал Резо. Голова раскалывалась от боли, как будто по ней били, как по мячу, одновременно со всех сторон. Кажется, вчера они сначала выпили коньяк, потом с девочками в баре пили текилу. Что было потом, он плохо помнил, но, кажется, потом они пили водку, заедая ее какими-то экзотическими фруктами. Кто-то из девушек захотел шампанского... Лучше не вспоминать, голова болела еще сильнее. Многие предлагают рецепты мгновенного выздоровления после любой пьянки. Одни советуют пить квас, другие предлагают опохмеляться стаканом водки. При одной мысли о спиртном его начинало мутить. Нет, спиртного на вчера было вполне достаточно.

Из столовой донеслось чье-то непонятное мычание. Резо удивленно прислушался. Кажется, девочек они к себе не привозили. Кто это может быть? Он встал и, пошатываясь, прошел в столовую. Так и есть. Никита спал на полу, положив под голову подушки, взятые с дивана в гостиной, и прикрывшись его халатом. Здорово они вчера перебрали. Свинство!

– Никита, – позвал товарища Резо, – вставай, уже полдень. Тот крикнул, раскрыл затекшие веки, взглянул мутными

глазами на Резо и снова прикрыл веки.

– Вставай, – лениво повторил Резо, – поздно.

Никита с трудом приподнял голову. Потом, опираясь на руки, сел, прислонившись к креслу. Сказал, весело скалясь:

– Здорово погудели.

Резо с отвращением посмотрел на друга. Никите шел тридцать второй год, конечно, в таком возрасте все кажется прекрасным. Небольшого роста, из тех крепышей, которые невольно внушают уважение, он был сильным, ловким, подвижным малышом. Вместе они работали уже несколько лет, их туристическая компания, занимавшаяся не только туризмом, но и разного рода посредническими услугами, процветала. На счету компаньонов скопились довольно солидные деньги.

Резо, разменявший тридцать шестой год, не без оснований слыл красивым мужчиной – высокий, с шапкой густых черных волос без признаков седины, с пышными усами, он был типичным представителем Востока. Впечатление от его внешности немного портили выпирающий живот, появившийся несколько лет назад, и расплывшиеся щеки.

Впрочем, эти детали удачно работали на удобный для него образ «чайника», приехавшего с юга, которого легко «обштопать». Многие попадались на эту удочку, не зная, что у Резо красный диплом Московского института международных отношений и что он несколько лет уже успел проработать за рубежом в качестве дипломата, представлявшего

бывшую нашу общую страну.

В середине восьмидесятых в МИД пришел Шеварднадзе, и число грузин, которые могли занять ответственные дипломатические посты, было резко ограничено. Шеварднадзе более всего не хотел, чтобы его обвинили в землячестве. И поэтому некоторые из его помощников даже переделывали грузинские фамилии на русские. Однако Резо Гочиашвили добросовестно отработал в МИДе до конца восьмидесятых, пока не понял, что пора уходить. Он ушел на год раньше министра и начал с организации туристического бизнеса в ту европейскую страну, с которой у него существовали самые надежные связи. Тогда, в конце восьмидесятых, это было еще невероятно. Советские люди начали впервые познавать вкус заграничных поездок. И Резо быстро развернулся, сумев организовать свой бизнес. Уже к середине девяностых он был вполне состоятельным и состоявшимся человеком.

Правда, когда уезжала жена и дети, он позволял себе устраивать загульки, обычно по субботним вечерам, чтобы успеть прийти в себя до понедельника и появиться в офисе в рабочем состоянии. Раньше такое было невозможно. Жена неотлучно находилась в Москве, не помышляя о поездках в Тбилиси, где сначала к власти пришел Гамсахурдия, потом началась гражданская война, а затем грянул период нестабильности. И лишь когда положение отчасти наладилось, он разрешил жене и детям выезжать летом в Тбилиси, повидаться с родителями, сумевшими выжить в это непро-

стое время. Отец жены не только выжил, но и стал членом правящей партии Союза граждан Грузии, поддерживающих курс Шеварднадзе. Резо не очень жаловал бывшего министра, полностью провалившего, по его мнению, работу МИДа и сдавшего все позиции. Но это была личная точка зрения Резо. В Тбилиси же Шеварднадзе делал невозможное, балансируя на грани различных интересов и медленно, очень осторожно выводя страну и свой народ из кризиса. Здесь ему не было равных, и это Резо признавал.

Он снова взглянул на Никиту. Неужели у него все в порядке?

– У тебя голова не болит? – подозрительно спросил он.

– Нет, не болит, – весело ответил Никита. – Ведь здорово гульнули, а?

– Что здорово-то?

– Да весело было, – восторженно продолжал Никита. – На что ты серьезный товарищ, но даже ты петь захотел. Хотя вместо этого просто орал диким голосом.

– Я петь захотел? – удивился Резо. – Ничего не помню. А где девочки?

– Мы же к ним поехали. И шампанское взяли. А потом ты всех облил из бутылок, и мы уехали. Уже утром.

– Я их облил шампанским? – не поверил Резо. – Когда это было? Ничего не помню.

– Конечно, не помнишь. Ты вчера сколько текилы выпил? Не считал. А я посчитал. Одиннадцать рюмок. И коньяк мы

с тобой до этого пили. Вспомнил теперь?

– Ничего не помню, – поморщился Резо. Голова по –
прежнему болела нещадно. – Слушай, Никита, у тебя, навер-
но, печень и башка устроены как-то не так. Бочку выпьешь –
и все помнишь. И как ты только умудряешься так держаться?

– А вы, грузины, значит, мало пьете? – обиделся Никита. –
Ты сколько вина выпил в прошлом году, когда твои земляки
приехали? Не считал? А я посчитал. Две бутылки выпил и
полез за третьей.

– Вино – это вода. Источник силы. А ты водку как воду
пьешь, – рассудительно сказал Резо. – Ну, вставай-ка, уже
поздно. Хорошо, что жены нет дома. А то бы она нас выста-
вила давно. Ты почему завалился в столовой? Пошел бы в
гостиную на диван. Или в мой кабинет. Зачем сюда-то при-
шел?

– Кухня рядом была, – пояснил, улыбаясь, Никита. – Ты
же меня вчера в лифте чуть не убил. Я хотел домой ехать,
а ты в меня вцепился и не пускаешь. Потом на лестничной
клетке орал, что непустишь никуда.

– Ничего не помню, – вздохнул Резо.

– Ясно, не помнишь. Кричал как резаный. Всех соседей
разбудил. Я поэтому к тебе и зашел, чтобы успокоить. Да
ты еще нацелился принять, я тебя не пускал на кухню. Ты
клялся, что у тебя в холодильнике еще три бутылки текилы.

– А почему я в баре не взял, в своем кабинете?

– Откуда я знаю. Я поэтому подушки и принес сюда, что-

бы здесь вход на кухню охранять. А потом ты прямо в одежде свалился и заснул. Ну и я решил, что немного полежу перед уходом. Ты чего так головой качаешь? Болит? Пойдем на кухню, я тебя научу, что нужно делать, чтобы голова не болела.

– Только я пить больше не буду, – предостерегающе поднял руку Резо.

– Чудак-человек, – усмехнулся Никита, – кто говорит про выпивку? Подожди немного, я тебе покажу, что нужно делать.

– Только быстро показывай, – сказал Резо, – я еще не брит и не одет. А в час дня должна прийти Надя.

– Много ты о ней вчера думал, – засмеялся Никита, – нужно было вчера ее с собой взять, так бы не напился. – Он поднялся на ноги и пошел в кухню. – Она на тебя хорошо действует.

– Ты же знаешь, у нее муж есть, – напомнил Резо. – Как я ее могу ночью куда-нибудь увозить? Скандал будет.

– Ты с каких пор стал скандалов бояться? А в четверг, когда выставил этого нахала, ты ничего не боялся.

– Наглый дурак разошелся. Начал права качать. Они хотели именно в ту гостиницу, которую заказывали из Лейпцига. А как я могу поместить их в этот отель, если идет конференция и все места уже заняты? Я поэтому и перевел их в другой отель, получше. Так он полчаса орал, что я нарушил договор. Я долго его слушал, только потом выставил за дверь.

Ничего, больше к нам не придет.

– Ты нам так всех клиентов распугаешь, – крикнул Никита, открывая холодильник. – Где у тебя лед?

– Я тебе сказал, что ничего пить не буду, – недовольно буркнул в ответ Резо, отправляясь в ванную комнату. – Лучше приму таблетку аспирина.

– Ты про запрос не забыл? – спросил Никита. – Завтра ответ должен прийти. Насчет паспортов.

– Группа в Швейцарию? Нет, не забыл. Только они все равно визы сразу не дадут. Будут проверять несколько дней. Сколько ни прошу – ничего не помогает. А там еще все номера паспортов подряд идут. Я в УВИР написал, пусть разберутся, как такое произошло. Ничего мне не наливай, – крикнул Резо. – Я иду в ванную. Понял? Ничего пить не стану.

– Все будет готово через двадцать минут, – успокоил друга, появляясь в холле, Никита. – Давай быстрее заканчивай, а то действительно придет Надя, и мне придется принимать ее вместо тебя. Кстати, я не отказываюсь. Когда она тебе надоест, скажешь мне.

– Иди ты к черту! – разозлился Резо, залезая под душ.

Через десять минут он вышел из ванной и направился в спальню, чтобы переодеться. Еще через несколько минут он громко позвал Никиту:

– Иди сюда!

– Чего тебе? – спросил Никита, входя в спальню.

В спальне никого не было.

– Кончай хохмить, – недовольно заметил Никита, направляясь в небольшую комнатку рядом, служившую гардеробом супруги Резо. И там никого не было. Никита открыл стенной шкаф. Здесь тоже пусто. – Ты где? – разозлился Никита.

– Не нашел, – довольным голосом сказал Резо, открывая дверь. В гардеробе было небольшое углубление, служившее ранее шкафом, а теперь закрытое дверцей с обоями в виде глухой стены.

– Здорово, – засмеялся Никита. – Зачем тебе этот шкаф?

– Любовниц прятать буду от жены, – засмеялся Резо. – Она еще не знает про него. Я ремонт в спальне уже после ее отъезда закончил. И вообще никто не знает, кроме тебя. Заходишь туда и закрываешь изнутри дверь. Ни единая душа не найдет. Здорово, а?

– Что, действительно для любовниц придумал?

– Да нет, конечно. Бумаги там можно держать, деньги. Как надежный сейф, никто о нем не знает.

– Ну и правильно. Только жене не говори. А то она своих любовников там прятать будет.

– Ты на эту тему лучше никогда не шути, – серьезно посоветовал Резо. – У нас таких шуток не понимают и не любят. Мужчина может делать все, что угодно. Это его право. Если есть деньги и силы – обеспечивай семью, а сам гуляй как хочешь. Но не в ущерб семье. Но это касается только мужчины. Жене о таком и подумать нельзя. На Кавказе женщина изменять не имеет права. У нас такие вещи не прощают.

– Но ты же сам изменяешь ей с чужими женами, – возразил Никита.

– Это проблема их мужей, – серьезно сказал Резо. – Но нельзя говорить об этом мужчине в лицо. Честь мужчины – это его самое большое богатство. Если женщина умная, она никогда не позволит, чтобы мужчина даже помыслил о чем-то подобном. Один мой друг, профессор, доктор наук, когда ему говорили о равенстве полов, долго слушал, внимательно, а потом сказал: «Все правильно, дорогой. Мужчина и женщина равны. Абсолютно равны. Полностью равны. Это как форточка в обе стороны. Только когда мужчина изменяет, он плюет из своей форточки, а когда женщина, то в свою. Вот и все равенство».

– Ты у нас философ, – криво улыбнулся Никита. – Ладно, выходи из своего шкафа, посмотри, что я для тебя приготовил.

И тут позвонили в дверь.

– Это Надя, – крикнул Резо, – подожди, я спрячусь. Ничего ей не говори. Пусть сама попробует найти. Только скажи, что я дома. И не подсказывай, где меня искать.

– Не беспокойся, – улыбнулся Никита.

Они не могли даже предполагать, что это был их последний в жизни разговор.

Никита пошел к дверям. И даже не посмотрев в «глазок», открыл двери. На пороге стояли двое незнакомцев.

– Это квартира Резо Гочиашвили? – спросил один из них.

– Да, – кивнул Никита.

– А вы, очевидно, его компаньон? – спросил другой.

Никита не успел даже удивиться. Он только кивнул, когда человек выхватил пистолет с глушителем и дважды выстрелил. Никита отлетел в сторону, успев лишь вскрикнуть. Незнакомец подошел к нему и, подняв пистолет, выстрелил третий раз, в уже мертвое тело. И только потом обернулся. В комнату входили еще несколько человек.

– Быстро, – приказал первый, – найдите хозяина.

Резо стоял в шкафу, когда слышался крик Никиты, стук падающего тела и быстрые шаги незнакомцев. Он видел сквозь щель в зазоре между дверью бывшего шкафа, куда он влез, и стеной, как в спальню ворвался незнакомец. Пистолет в его руке не оставлял никаких сомнений в намерении. Резо замер, стараясь не дышать. Незнакомец шагнул в гардероб, постоял около него секунду, показавшуюся Резо вечностью, и, повернувшись, пошел к зеркальному шкафу в спальне. Резко открыл шкаф, толкнул костюмы. Наклонился, чтобы взглянуть внутрь. В комнату вошел кто-то еще невидимый. Был слышен только голос.

– Где он? – спросил вошедший.

– Его здесь нет.

– Ищите. Он должен быть дома. Найдите его. Он, наверное, слышал выстрелы и спрятался. И принеси сюда труп его компаньона. Чтобы у дверей не лежал.

– Сейчас, – поспешил исполнить приказ незнакомец.

«Труп, – услышал потрясенный Резо. – Они убили Никиту. Убили, как только он открыл им дверь. Ничего не спрашивая, ничего не говоря. Значит, они пришли сюда, чтобы убить и меня. Но почему они решили нас убить? Кто они такие? Откуда взялись?» Он боялся дышать, опасаясь, что убийцы услышат шум его дыхания. Он почувствовал, как пот льется со лба и падает на грудь, но даже не пошевелинулся, словно находившиеся в другой комнате незнакомцы могли услышать даже такой слабый звук.

– Его нигде нет! – крикнул кто-то.

– Он в доме, – сказал тот, кто распоряжался ими. Этот характерный голос Резо никогда не забудет. – Мы следили за домом. Он никуда не выходил. Значит, где-то прячется. Переверните все шкафы, все столы – и найдите непременно.

– Мы все посмотрели, – возразил первый голос.

Два типа втащили в спальню какой-то мешок. Резо перевел взгляд на то, что они тащили, и едва не вскрикнул. Он узнал брюки и ботинки Никиты. Его переложили на простыню и втащили в спальню как какой-то ненужный груз, оставив тело на полу. Резо замер, чувствуя, как дрожат ноги. Он увидел наколку на кулаке одного из убийц. Синее солнце с разбегающимися лучами. И длинная черта горизонта, больше похожая на шрам.

– Посмотрите в спальне, – крикнул кто-то, – может, он под кровать залез.

– Да нету его здесь, – разозлился неизвестный с наколкой,

заглядывая под кровать. Потом повернулся и зло сказал своему напарнику: – Не хотят признаваться, что не заметили, когда этот вышел из подъезда. Теперь из-за них мы должны торчать тут.

Второй убийца вошел в гардероб, тронул вещи, висевшие на вешалках. Почему-то понюхал рукав одного платья.

– Дорогими духами пахнет, – зло бросил он, обращаясь к тому, кто остался в спальне. – Приезжают сюда «черножопые», квартиры покупают в центре и жиреют, суки. А попробуй тронь кого-то, сразу защитников найдут. Я бы их всех давил, как клопов.

– Этот уже не найдет, – успокоил его напарник, – если даже сегодня не возьмем, он все равно покойник.

– И денег нигде нет, – пожаловался первый, выходя наконец из гардероба, – куда они свои баксы прячут? Я и по шкафчикам посмотрел. Только мелочевка. А квартира богатая, деньги должны быть.

– Тише, – шикнул напарник, – а то услышат. Сам знаешь, что бывает за такие дела.

– Его нигде нет! – крикнул он.

И в этот момент в дверь позвонили.

– Наверное, торчал у соседей, сука, – зло бросил кто-то из убийц, выбегая из спальни. Видимо, их было четверо или пятеро. Они тихо совещались о чем-то в холле. До Резо долетали только обрывки фраз. Он с нарастающим ужасом понял, кто мог позвонить в это время. Это пришла Надя. Он

даже открыл рот, чтобы крикнуть, предостеречь ее. Но вместо этого стоял как заговоренный, не в силах даже пошевелиться. В дверь снова позвонили.

«Уходи, – молил он про себя женщину, – уходи отсюда, убегай». Но она позвонила в третий раз. Кто-то из убийц подошел к двери и открыл ее. Резо замер, прислушиваясь.

– Здравствуйте, – удивленно сказала Надя, – а где Резо?

– Его нет дома, – ответили ей, – вы к нему?

– Да, у меня к нему дело, – ответила Надя.

«Уходи, – молил ее Резо, – только не входи в квартиру. Только не входи».

– Можете его подождать, он скоро придет, – услышал Резо.

– А он ничего не просил передать? – Она все еще не входила в квартиру. У нее все еще был небольшой шанс.

– Нет. Но говорил, что должен скоро прийти. Просил подождать.

– Да, конечно. А вы его знакомый? Он мне о вас ничего не говорил.

Она, очевидно, вошла в квартиру. И в этот момент дверь захлопнулась. И Резо сразу услышал женский крик:

– Кто вы такие?! Что вам нужно?!

У нее, наверное, вырвали из рук сумочку. Она, конечно, сопротивлялась, но пока было тихо.

– Дешевка, – тусклым голосом сказал мужчина, – ты его любовница?

– Уберите руки! – гневно воскликнула она, все еще не сознавая до конца, что тут происходит.

– Когда вы должны были с ним встретиться? – спросил резкий голос главного. Резо теперь узнавал его.

– Не знаю. Отпустите, – почти кричала она, – вы делаете мне больно. Отпустите! – Видимо, кто-то из нападавших переусердствовал, выворачивая ей руку.

Резо вспомнил все, что он говорил несколько минут назад о чести мужчины. Он хотел выскочить, заступиться за женщину, которая пришла к нему в дом, была близка с ним. Но какой-то дьявольский голос внутри отговаривал его. Этот голос труса и подлеца советовал ему отсидеться, переждать, пока незнакомцы уберутся. Один и без оружия он ничего не сможет сделать против четверых или пятерых вооруженных убийц. Профессиональных убийц, которые пришли сюда именно за его головой.

Воспитанный на рыцарском отношении к женщине, всегда готовый вступить за слабый пол, он был настоящим мужчиной лишь до тех пор, пока ему не выпало вот такое испытание. Он не выдержал его, дрогнул. Его совесть подсказывала ему: выйди и достойно умри. Покажи мерзавцам, как умирают настоящие мужчины. Но другой голос продолжал командовать: затаись и молчи, убийцы скоро уйдут. Ты все равно не сможешь ей помочь. Он успокаивал себя тем, что хотя бы поможет в розыске убийц. В тысячные доли секунды в его мозгу возникали тысячи доводов, оправдываю-

щих трусость. И он, скованный животным страхом, утратил способность слушать голос совести. Он стоял и слушал.

– Я ничего не знаю! – крикнула женщина. – Отпустите меня, мерзавцы, негодяи, подлецы!

– Спокойно, – посоветовал главный. Он один все еще обращался к ней на «вы». – Не нервничайте так. Нам необходимо выяснить, где находится хозяин квартиры.

– Я не знаю, – призналась женщина.

Видимо, предводитель группы сделал знак, чтобы Надю отпустили. Резо расслышал, как она прошептала «спасибо».

– Где он может быть? – снова спросил незнакомый голос.

– Не знаю. Я действительно не знаю. Мы договаривались встретиться. А кто вы такие? Вы из милиции?

– Почти, – ответил ее страшный собеседник. – Значит, он должен прийти сюда? Или вы должны были встретиться с его компаньоном?

– Не говорите гадостей, – разозлилась она. – Ни с кем я не должна была встречаться, в вашем грязном понимании этого слова. У меня деловая встреча.

Раздался громкий удар пощечины. Резо вздрогнул. По лицу его сбегали крупные капли пота. Он стер их судорожным движением руки, жадно вслушиваясь в то, что происходило в холле его квартиры. Подленький чертик, сидевший где-то в темном уголке его души, даже радовался, что он сумел вот так ловко обмануть ворвавшихся в дом убийц, надежно спрятаться от них. Слабенький голос совести заглушал оглу-

шающий страх и нечеловеческое, почти животное желание – жить, спастись.

– Сука, – лениво сказал предводитель, переставший играть в интеллигента, – ты еще будешь мне врать.

Очевидно, они снова схватили ее, так как опять раздалось ее жалобное восклицание.

– В воскресенье днем у него на квартире, видите ли, должно состояться деловое свидание, – продолжал убийца. – Так я тебе и поверил. Где он – спрашиваю я тебя?

– Не скажу, – с отвращением прошептала Надя.

Резо повернул голову. Воздух или волнение заложило правое ухо. Он стал слушать левым, тяжело дыша, ловя себя на мысли, что задыхается, но не от недостатка воздуха, а от ощущения надвигающейся беды, от ужаса и кошмарности всего происходящего.

– Скажешь, – пообещал неизвестный, – ты все скажешь. И зачем пришла. И где он сейчас находится. И когда сюда придет. Хотя можешь и не говорить. Раз такая сучка, как ты, заявила сюда, значит, скоро и кобель притащится. Ждать придется недолго.

И в эти минуты с женщиной что-то произошло. Может, она действительно любила его и решила, что сможет спасти Резо своим безумным поступком. Но скорее всего женская интуиция подсказала ей, что негодяи, схватившие ее, не дадут ей уйти живой из этого дома. Это она, наверное, прочла в глазах своих мучителей. И, рванувшись изо всех сил, она

освободила руку и с силой пропахала своими острыми ногтями лицо одного убийцы, другого ударила ногой в живот и, очутившись на миг на свободе, побежала к окну – по паркету процокали ее каблочки.

– Помогите! – крикнула она, стукнув кулаком по стеклу.

– Не стрелять, – бросил главный своим характерным, с хрипотцой, голосом. Он мгновенно понял, что пули могут попасть в стекло, что привлечет внимание прохожих. Она тоже поняла, чего именно он боится, и, развернувшись к нему лицом, прильнула всем телом к окну, словно это была ее самая надежная защита. Это было большое окно в гостиной. Большое и крепкое стекло, которое она не смогла бы разбить кулаком. Модная металлопластика, с накачанным между стеклами вакуумом. – Отойди от окна, – сказал главный.

– Нет, – тяжело дыша, ответила женщина.

– Отойди от окна, – снова повторил главный.

Видимо, в такие моменты жертвы читают свой приговор во взгляде насильника. Он уже понял, что она не в силах разбить стекло, и открыл рот, чтобы приказать оттащить ее от окна. И именно в эту секунду она рванула ручку на себя – окно открылось. Уж такая это конструкция. Разбить одним взмахом руки – ни за что не разобьешь. Но зато открывались они мгновенно, не то что вечно западающие и заклинивающие деревянные окна. Теперь окно было открыто, и преимущества оказались на ее стороне.

– Отойди от окна, – прохрипел в третий раз главный, раз-

досадованный своим поражением.

– Помогите! – закричала женщина, свешиваясь вниз.

– Тащите ее! – рассвирепел убийца.

К ней бросились сразу три или четыре человека. Она покачнулась, крикнула еще раз и вдруг рухнула вниз, с девятого этажа. Она летела со страшным криком. Потом раздался тупой удар.

– Дура, – сказал главный, – уходим. Быстро. Сейчас здесь будет полно народу.

Послышались быстрые шаги, хлопнула дверь. Резо все еще стоял в своем укрытии, боясь поверить услышанному. Он попытался пошевелиться, но почувствовал, что не может даже поднять руку. Наконец усилием воли он толкнул дверцу, буквально вываливаясь из своего тайника. И сразу же увидел лицо убитого Никиты. От неожиданности он едва не вскрикнул. Потом вскочил на ноги и, чувствуя, как его выворачивает тошнота, поспешил в гостиную, откуда выпала Надя. Его все-таки стошнило прямо на ковер в гостиной, когда подходил к окну.

Надя лежала внизу, вокруг уже собирались люди, указывающие на его окно. Он осторожно посмотрел вниз. Несколько мужчин садились в два автомобиля в пятидесяти метрах от того места, где лежало тело. Один из них, коротко остриженный, седой, в кожаной куртке, вдруг поднял глаза и увидел Резо. Не понимая, зачем он это делает, Резо медленно закрывал створки окна.

– Он был там! – заорал незнакомец. – Он был там!

– Быстрее! – крикнул кто-то. – Милиция.

Седой еще раз посмотрел вверх. И вдруг Резо что-то как толкнуло изнутри. Собрав остатки мужества, он распахнул окно и заставил себя выпрямиться во весь рост. Теперь он видел лицо убийцы. Вернее, не лицо, отдельные черты различить было трудно – он видел его маску. Целую секунду они смотрели друг другу в глаза. И хотя расстояние было достаточно далеким, им казалось, что взгляды их обжигают. У Резо по лицу стекала ядовито-желтая струйка, губы тряслись. Но он ничего не замечал – видел только ненавидящие глаза убийцы.

– Идиоты, не нашли, – проворчал седой, отводя взгляд от окна, – подняться бы сейчас наверх и прикончить его.

– Не получится, – резонно заметил кто-то из его людей, садясь за руль. – У него дверь – на полдня возни. Даже автоматом не прошибешь. Гранаты нужны или мины. А милиция вот-вот будет здесь.

– Возьмем его вечером. В милиции, – уверенно заключил седой. – Теперь ему крышка. Любовница из окна упала, а друг лежит убитый. Его как пить дать арестуют. Кто ему поверит?

Взглянув еще раз вверх, главный сел в машину. Оба автомобиля отъехали от дома. Вокруг лежавшей на тротуаре в луже крови женщины собрались люди.

– Ладно, – прошептал потрясенный Резо. – Значит, теперь

я знаю тебя в лицо.

Рассказ второй

На следующий день я сразу же отправился к Семену Алексеевичу и рассказал ему все. По большому счету он был для нас не просто начальником. Что-то было в нем от заботливого дядьки, который занимался всеми нашими проблемами. Вот и квартиру для меня в новом доме тоже он пробивал. Семен Алексеевич выслушал меня внимательно. И внешность у него для его профессии не типичная – и не голливудский тип охранника-громилы с квадратной челюстью, в темных очках, и не наш «качок» со зверской физиономией гориллы и квадратными плечами. Чуть выше среднего роста, чем-то напоминавший изящного ужа, только худой, с большой головой и печальными, умными глазами. Многие считают, что главное в нашей работе – кулаки и бицепсы. Но мы-то знали, что отдел планирования, которым руководил Семен Алексеевич, значил для всей операции куда больше, чем даже внешнее кольцо в оцеплении.

Голова, как известно, оказывается сильнее даже мощных кулаков. Алексеич у нас был мыслителем по самому большому счету, и мы его за это очень уважали.

Выслушал он меня внимательно, помолчал немного, это у него привычка такая была, всегда помолчать какое-то время, даже глаза закрыть, а уже потом начать излагать.

– Ты не маленький, сам должен все понимать, – так он на-

чал. — Твою квартиру ни продавать, ни сдавать нельзя. Там живут и наши сотрудники, и члены президентской администрации. В такой дом иностранца пускать негоже, никто тебе этого не разрешит. И коммерсанта обычного тоже допускать нельзя. В общем, ты эти мысли вредные из головы выбрось. А помочь, конечно, нужно. Мы сделаем так. Пусть они ничего не продают, пусть сдадут свою квартиру на три года, предположим. А сами переедут к тебе. Никто ничего не скажет, если у тебя дома будет бывшая жена с детьми жить. А ты пока поживешь на квартире. Снимешь, как раньше снимал. Вот тебе и конкретный выход.

— Думаете, им денег хватит? — спросил я. — У них все-таки квартира не в центре.

— За три года хватит, — кивнул Семен Алексеевич. — А к тому времени что-нибудь придумаем. И потом, может, вообще таких жертв не потребуется. Я поговорю кое с кем из наших бизнесменов. Дадут нужную сумму.

— Вы же знаете, что я в долг брать не люблю, — возразил я. — И никогда ни у кого не ходил в должниках.

— Ты дурака не валяй, — насупился Семен Алексеевич. — Никто тебе про долг не говорит. Это мое дело, как вопросы решать. Молод ты еще, чтоб мне указывать. В общем, ступай к себе и не дергайся по пустякам. Я сегодня поговорю с нужными людьми, найдут деньги. Половина наших чиновников не знает, куда их девать, уже не осталось в Испании или во Франции приличной виллы, которую бы они не ку-

пили. Найдем деньги для лечения твоего сына, не беспокойся. Но вдруг не найдем, тогда – как крайний вариант, я уже говорил: они переезжают к тебе. Я начальству все объясню. Но думаю, что это крайний случай. Да любому из этих гнид-толстосумов только заикнусь, они тут же раскошелятся.

– Вы ведь никогда к ним не звонили, называли паразитами, – напомнил я.

– Называл. И буду называть. Паразиты, они и есть паразиты. И если даже деньги дадут, от этого ничего не поменяется. Я ведь не для себя прошу, на святое дело беру. Одним словом, остаешься после работы, и мы решаем проблему.

Я вернулся в свой кабинет, а у самого настроение хуже не бывает. Представляю, как ему просить противно. Лучше действительно пусть они переедут ко мне. Нужно было еще вчера это предложить, как я мог не додуматься до такой элементарной вещи? Но все равно нужно было разрешение Семена Алексеевича.

Целый день я не ел ничего, только воду пил. А вечером вспомнил, что сегодня и в туалет не ходил. Я обычно не люблю ходить в общественные туалеты. Утром как пошел, так до вечера терплю. Еще и специфика работы такая: нельзя отлучиться ни на минуту. Вечером, как договаривались, я задержался в кабинете – жду вызова Семена Алексеевича. А пока отправился по пустым коридорам – в туалет.

Странная тема – туалет. Но меня она наводила в свое время на размышления. Раньше я думал, если у нас туалеты сде-

лать платные, как за рубежом, то все сразу изменится. Ничего подобного. Порядок от денег не зависит. Только от самих людей. Мы еще мальчиками были, когда в «Иностранной литературе» появился роман Питера Бенчли «Челюсти». Нас всех тогда поразило не столько описание зверств акулы, сколько эпизод с женой шерифа. Дама собирается изменить мужу. Она приезжает на заправку, на станцию, заходит в туалет и встает босиком на полу в туалете. Вот что нас всех тогда поразило! Босиком в туалете! Этот кадр сказал нам об Америке больше, чем все фильмы, вместе взятые.

Я-то сам не москвич, вырос в Ростове. Вы помните наши туалеты в семидесятых? Да еще на бензозаправках. От них разило так, что трава вяла в радиусе нескольких километров. Во многие вообще нельзя было войти без резиновых сапог. А тут босиком. В общем, я про это вспоминал всегда, когда в наши уборные ходил. У нас, конечно, в конторе чистота американская. И еще какую-то отдушку употребляли.

Вошел я, значит, в наш туалет, прошел в крайнюю кабинку. И первый раз в жизни почувствовал, что живот болит. Ничего я в этот день вообще не ел, видимо, спазмы от вчерашнего дня живот свели. Нервное что-то. Я человек брезгливый по натуре, на общественный стульчак никогда не сяду. И даже не предполагал, что из этого выйдет. Я ногами стульчак поднял и влез на унитаз. Подробности тут нужны, чтобы стало ясно, как потом события развернулись. Только я уселся «орлом», как в туалет кто-то вошел. Вошли двое.

Сначала постояли у дверей, потом один наклонился и прошелся мимо всех дверей – видимо, смотрел, нет ли там чьих-то ног. Ног не было. Пройдя до конца, вернулся к своему собеседнику.

– Все чисто, – доложил он, – никого нет. В такое время все уходят домой.

– Единственное место, где можно нормально поговорить, – зло сказал второй, и я с удивлением узнал голос. Довольно высокопоставленный чиновник из нашей администрации. Он обычно ходил в туалет на своем этаже, а не к нам. Почему пришел именно к нам – кто знает? – Везде понатыкали свои микрофоны, – объяснил чиновник. – Не знаешь, кто и когда тебя слушает.

– Да, здесь чисто, – сказал первый, и я подумал, что и этого знаю.

– Что у вас случилось?

– Они обратили внимание на паспорта. У всех были номера паспортов с повторяющимися номерами. Четыре номера подряд. Поэтому и отправили запрос в УВИР, решили проверить все четыре паспорта. Хорошо еще, что мы узнали своевременно.

– А как вышло с этими паспортами?

– Да в милиции все напутали. Они на наш запрос выделили четыре паспорта, и все из новой серии. Их так и выдают всегда, пачками, в новых сериях.

– Обычно мы не посылаем людей за границу, – сказал, яв-

но нервничая, чиновник.

Теперь я уже не сомневался. Это был заместитель руководителя администрации. Что он обсуждает в такое время здесь, в туалете? Неужели действительно не нашел другого места для разговора, подумал я, когда он добавил еще одну непонятную фразу: «Нужно было сразу обратить внимание на эти паспорта».

– Они должны были вылетать в одной группе, – словно оправдываясь, сказал его собеседник. – Мы не думали, что в туристической фирме обратят внимание на такие мелочи.

– Теперь и они все знают.

– Мы решили этот вопрос. Еще в воскресенье. Там возникла какая-то техническая проблема, но Слепнев обещал снять ее сегодня. Теперь все чисто.

– Поменяйте им паспорта. Дайте из разных серий. И выберите другую турфирму, пусть оформляют. И как можно быстрее. Мы и так тянем время. Речь идет о такой сумме.

Я сижу и слушаю. Интересно, о какой такой сумме идет речь? И почему они так нервничают, отправляя людей за границу? Мы часто ездим за рубеж, сопровождаем всякое начальство. Где я только не побывал за это время – от Латинской Америки до Японии. Нам обычно выдают служебные паспорта. Или дипломатические, кто рангом повыше. Но почему они хотят отправлять людей через турфирмы?

– Я все понимаю, – сказал второй, – мы уже поменяли всем паспорта. Люди повезут деньги в следующий понедель-

ник. Рейсом в Швейцарию. С Таможенным комитетом я уже договорился, там никаких проблем. В новой турфирме обещали документы сделать за три дня.

– Хорошо. Только учтите, что на этот раз все должно быть чисто. Без технических «трудностей», – передразнил чиновник своего собеседника.

– Не беспокойтесь. Все будет в порядке. Все сто миллионов долларов загрузят в самолет, как и договаривались, в понедельник. Поэтому и решили оформлять всех четверых через турфирму, чтобы швейцарские власти ничего не заподозрили. В последнее время они даже на наши официальные запросы сразу не отвечают, проверяют каждого, кто к ним едет. А к обычным туристам, с красными паспортами, у них вопросов меньше бывает.

– Это мы знаем. Не забудьте, что больше откладывать этот рейс нельзя. В понедельник – крайний срок.

Заговорщики вышли из туалета, а я пока остался сидеть «орлом» у унитаза. Нет, я не боялся, что они что-то узнают о свидетеле их разговора. Просто вышла дурацкая ситуация, будто я специально залез в туалет, чтобы подслушать их секреты. А с другой стороны, я ведь тоже не ребенок, ясно, что готовится крупная афера, хотят вывезти сто миллионов долларов наличными из страны. Интересно, куда и зачем вывезут деньги эти люди, для которых они оформляют паспорта в обычной туристической фирме?

Я вышел из туалета и направился в свой кабинет. Еще пол-

часа я обдумывал услышанное, потом меня вызвал к себе Семен Алексеевич.

– В общем, я договорился, – устало сказал он, – пятьдесят тысяч на лечение хватит. Деньги дадут через несколько дней. Переведут на счет известной немецкой клиники. Все сделают как положено. Банкир Цфасман обещал оказать спонсорскую помощь.

– Спасибо, Семен Алексеевич. – Я стоял на пороге, не зная, что еще говорят в подобном случае.

– Не за что. Я же тебе говорил, что все можно решить нормально. Иди и позвони своей бывшей жене, обрадуй ее. Если, конечно, она еще способна радоваться в этой ситуации.

Стою, топчусь на месте, уходить не собираюсь.

– У тебя еще какой-то вопрос? – удивился Семен Алексеевич.

– Нет, – мотаю я головой, но упрямо не ухожу.

– Ну, выкладывай, что еще у тебя? – понял Семен Алексеевич. – Ведь что-то хочешь сказать.

– Хочу, – ответил я глухо.

– Тогда проходи и садись, – он показал на стул рядом с собой. Я сделал несколько шагов к нему. Будь они прокляты, эти шаги! Все началось именно с них. Хотя я не знаю, с чего все началось и когда началось. Жизнь вообще вещь удивительная. Все события связаны в единую цепь, и никто не знает, какое звено потянет все остальные.

– Я сегодня слышал один разговор... – начал я нереши-

тельно.

– Какой разговор?

И тут я начал рассказывать. Все детали, как слышал. Нужно было видеть его лицо. Маска, а не лицо, только брови сходились на переносице. Потом за сердце стал хвататься, вроде бы ему больно все это слышать. Наверное, он уже тогда знал, чем все кончится. Поэтому и хмурился, и за сердце хватался.

Я тоже обязан был догадаться, чем это может кончиться. Ведь собеседник чиновника был наш непосредственный начальник. Первый заместитель начальника личной охраны. И весь наш отдел ему напрямую подчинялся. Но я все говорил и говорил, а Семен Алексеевич мрачно кивал мне и слушал не перебивая. Когда я закончил свой рассказ, он еще помолчал минуту. Потом еще одну. Наконец спросил:

– Закончил?

Я утвердительно кивнул.

– Ты мне ничего не рассказывал, более того, я ничего не слышал, – сказал он вдруг жестко. – Это в твоих интересах, Леонид. Никому больше ни слова. Договорились?

– Понятно. – Я хотел подняться, но он покачал головой, не отпуская меня.

– Нет, – сказал он, – ты не понял. Это дело настолько серьезное, что любое твое неосторожное слово может навредить очень многим. И прежде всего тебе самому. Я не пугаю, просто предупреждаю. А твое сообщение я приму к сведению. Но только если ты больше никому ничего не расска-

жешь. Обещаешь?

Разумеется! Он для меня такое сейчас сделал. В этот момент я готов был вообще за него умереть.

– Конечно, обещаю, – сказал я твердо.

– Ну, вот и хорошо. – Он не улыбнулся, как всегда, на прощание, а только прикрыл на мгновение глаза. – Теперь ступай и позвони своей жене.

– Иду. – Я встал со стула. И через минуту уже забыл об этом чертовом разговоре в туалете. Я бросился к телефону. Больше всего на свете меня интересовал мой сын. Я еще не знал, что все события уже завязываются в тугий узел. Все наши судьбы и даже жизни.

Эпизод второй

Когда приехала милиция, Резо уже был готов давать показания. Переодевшись, он не стал касаться убитого напарника, чтобы не спутать картину событий и чтобы следователи зафиксировали все, как оно было. Несколько раз посмотрев в «глазок», он убедился, что на лестничной клетке, кроме сотрудников милиции, находятся и соседи. И лишь после этого открыл дверь.

Его грубо толкнули, побежали к окну. Один из милиционеров открыл окно, осмотрел его, словно на нем могли остаться следы. Другой утвердительно кивнул и, обращаясь к вошедшему человеку в штатском, сказал:

– Она выбросилась из этого окна.

– Опросите соседей, – строго сказал человек в штатском, проходя в гостиную. На Резо он не обращал никакого внимания. Следователю было лет сорок. Невысокого роста, с резкими, словно вдавленными в череп чертами лица, он казался человеком, побывавшим в лапах у медведя – смятый подбородок, казалось, жевали, прежде чем натянуть ему на лицо, грубый, несимметричный нос свернут набок. «Бывший боксер», – подумал Резо. «Боксер» оказался сотрудником прокуратуры Кимелевым, который приехал на место убийства. Кимелев еще не знал, что тут произошло не одно убийство, а два. Но пока этого не знал никто.

– Всех любопытных удалите, – сказал еще один прибывший сотрудник в штатском, появившись на пороге. – Нечего глазеть, не цирк.

Этот человек был явно старше, выше ростом, грузноватый, с густыми седыми волосами. Обращали на себя внимание его уши – большие, словно специально скатанные в длинные тонкие листы, а затем прикрепленные к голове.

Подполковник милиции уже успел внизу осмотреть погибшую. Случай произошел на его территории, он был начальником уголовного розыска и теперь ждал прибытия неизвестно куда подевавшегося начальника отделения. За ним уже срочно послали. В воскресный день найти всех нужных людей достаточно проблематично. Подполковник Демидов работал в уголовном розыске около двадцати лет и знал, что неприятности всегда случаются не вовремя.

Резо услышал, как один из сотрудников, докладывая уша-стому, назвал его подполковником, и решил, что он здесь самый главный.

У всей группы было испорченное настроение, словно убитая должна была подождать до понедельника, чтобы выпрыгнуть с балкона, а она сотворила все это в их дежурство.

– Документы у нее с собой были? – спросил Кимелев. Он был старшим помощником прокуратуры, по существующим законам такие дела сразу брала под свой надзор прокуратура.

– Нет, – ответил один из офицеров, – она выбросилась без сумочки.

– Вы ее знали? – спросил Кимелев, обращаясь к Резо.

Тот кивнул головой. Потом, тяжело вздохнув, тихо сказал:

– Я все видел.

– Ну да, понятно. Сама выбросилась из окна, – желчно прокомментировал Кимелев. – У вас есть документы?

– Есть. – Резо пошел за паспортом. Он лежал у него в столе, в кабинете. Достав паспорт, он вернулся к сотруднику прокуратуры, протягивая документы.

– Резо Гочиашвили, – прочел Кимелев, – у вас московская прописка. Недавно получили?

– Давно. Я учился в Москве, в МГИМО, а потом работал в МИДе.

– А сейчас где работаете?

– Бизнесом занимаюсь. Президент туристической фирмы.

– Президент, значит, – кивнул Кимелев, потом показал на окно. – Кто она вам была? Жена?

– Нет. Знакомая.

– Знакомая, – глумливым голосом повторил за Резо Кимелев. Он ходил по гостиной, заложив руки за спину. – И ваша знакомая просто так решила прийти именно к вам в воскресенье и выброситься из окна.

– Нет, – быстро ответил Резо, – ее убить хотели. Четверо или пятеро мужчин. Они ворвались сюда и хотели ее убить. Вот тогда она побежала к окну.

– Так четверо или пятеро?

– Не знаю. Я не знаю, сколько их точно было. Я только

слышал их голоса и ее крики. А потом она выбросилась.

– А вы где в это время были?

Резо молчал.

– Где вы были? – спросил Демидов, явно заинтересовавшись разговором. Он стоял в стороне, не вмешиваясь в их беседу.

– Я прятался в спальне, – выдавил Резо, – они пришли меня убить. Сначала друга моего убили, а потом ее хотели...

Он не договорил.

– Какого друга? – спросил Кимелев.

– Он в спальне лежит, – Резо показал на спальню.

Демидов взглянул на Кимелева, и они бросились в спальню.

– Зиновьев! – закричал Демидов, подзывая одного из офицеров. – Быстрее экспертов сюда. Скажи – еще один труп есть. С огнестрельными ранениями.

Кимелев, присев на корточки, разглядывал убитого. Он заметил характерное пулевое ранение на голове. Так обычно добивают жертву профессионалы – делают для верности контрольный выстрел. Он указал на рану Демидову, и тот согласно кивнул, поняв все, о чем хотел сказать его коллега из прокуратуры.

– Нужно объединять оба дела в одно, – Кимелев показал на убитого, поднимаясь с корточек. На пороге стоял Резо. Он упрямо не смотрел в сторону убитого друга.

– Кто его убил? – спросил Демидов, все еще разглядывая

убитого.

– Я же говорю, что сюда ворвались убийцы. Я был в шкафу, вон там, в маленькой комнате, где у жены гардероб. Там есть потайной шкаф, я его недавно сделал. Я там прятался, а в это время Никита, это мой напарник по фирме, пошел и открыл дверь. Они его убили прямо в холле. У дверей. А потом на простыне сюда принесли и бросили.

– И вы все время сидели в шкафу? – брезгливо спросил Кимелев.

– Да, сидел, – тяжело вздохнул Резо, – стыдно признаться, но я очень испугался.

– И они вас не нашли? – спросил Демидов, вставая и проходя в комнату рядом со спальней, где находился шкаф. Он открыл дверь и повернулся к хозяину дома.

– Не нашли, – выдавил Резо, – искали очень, но не нашли. В комнату уже вбегали эксперты.

– Поговорим в гостиной, – предложил Демидов, – чтобы им не мешать. А еще лучше в вашем кабинете. Он, кажется, рядом с гостиной.

– Хорошо, – кивнул Резо, – пойдемте.

В кабинете он сел на диван. Демидов расположился в кресле напротив. Кимелев остался стоять у стола.

– Значит, вы утверждаете, что к вам в квартиру ворвалось несколько неизвестных, которые сначала застрелили вашего напарника, а потом выбросили из окна вашу знакомую? – спросил Демидов.

– Нет, – возразил Резо, – они ее, кажется, не выбрасывали. Никиту застрелили, а ее хотели убить, но она сама выбросилась.

– Что значит – кажется? – взорвался Кимелев. – Вам кажется или так было на самом деле?

– Я не знаю, – развел руками Резо, – я ведь в шкафу сидел, только слышал, как она кричала.

– И не вышли? – спросил Демидов. В его голосе не было презрения, только вопрос, но Резо опустил голову и промолчал. Ему было очень стыдно.

– Не вышел, – выдавил он из себя.

– Кто были эти люди? – спросил Кимелев. – Вы их знаете?

– Нет, никогда не видел. Но их главного я запомнил в лицо. И по голосу могу узнать. Они на двух машинах приезжали. Один джип был такой темный, а вторая машина, кажется, зеленый «Ниссан». Сверху не разглядел.

– Откуда сверху? – разозлился Кимелев. – Вы на крышу тоже успели подняться?

– Нет. Когда они ушли, я подошел к окну и увидел их. Увидел, как они в машины садились.

– Где машины стояли?

– У соседнего дома. Метров тридцать – тридцать пять отсюда.

Демидов и Кимелев переглянулись, Кимелев поднялся и вышел из кабинета, видимо, отдавать нужные распоряжения.

– Вы точно помните, что они приехали именно на двух

машинах?

– Точно помню. Я подошел и всех их увидел.

– Вы вышли из своего шкафа только после того, как они ушли?

– Да, сразу же вышел. Они увидели, как она выбросилась в окно, и побежали вниз. Боялись, что милиция приедет. Хотя нет, – сказал вдруг, вспоминая, Резо, – по-моему, не особенно боялись. Просто думали, что много людей соберется.

– Давайте по порядку. Вы догадались, что они ушли, когда услышали, как хлопнула входная дверь.

– Да, по их крикам и разговорам. Я все слышал.

– И вы подошли к окну? – уточнил Кимелев.

– Подошел.

– И вы их сумели увидеть?

– И они меня тоже.

В это время вошел Демидов. Он успел услышать последнюю фразу. Пройдя к своему месту, он сел в уже облюбованное кресло. Кимелев по-прежнему стоял.

– Они вас увидели? – резко переспросил он.

– Да, увидели. Их главный поднял голову, а я подошел к окну. И мы стояли и смотрели друг на друга.

– По-моему, получается нелогично, – вмешался подполковник Демидов, – с одной стороны, вы говорите, что они пришли убивать именно вас. И мы хотим вам верить, но у вас на квартире, по существу, найдены два трупа. Одна выбросилась в окно, или ей помогли выброситься, а второго за-

стрелили. Но вы в это время прятались, как вы сами говорили. А потом вы успели увидеть своих возможных убийц, и они не поднялись, чтобы вас застрелить. Нелогично. Вам не кажется это странным?

– Нет, не кажется. Я специально к окну подошел, чтобы их увидеть. И чтобы они меня увидели. Хотел их немного испугать, хоть таким образом. Но они не успели бы подняться и сломать мою дверь. У меня дверь крепкая, железная. Я бы им дверь так просто не открыл. А пока бы они ломали дверь, сюда съехалась бы вся милиция города.

– Логично, – кивнул Демидов, – тогда объясните, как они вообще попали к вам в квартиру, если у вас такая хорошая дверь?

– Никита им открыл. Наверно, даже в «глазок» не посмотрел.

– Почему не посмотрел?

– Мы ждали женщину, нашу знакомую. Ту, которая погибла... Ну он и не посмотрел. А я пошутить хотел, спрятался в шкаф.

– Как-то ловко у вас все получается, – сквозь зубы процедил Кимелев. – Ваш напарник случайно открыл дверь, вы случайно сидели в это время в шкафу, потом к вам случайно пришла ваша знакомая. И наконец, вы случайно подошли к окну и случайно заметили всех убийц.

– Я не случайно подошел, а нарочно, – упрямо сказал Резо.

– Значит, сначала вы боялись, а потом бояться перестали?

– Да, потом перестал, – с вызовом сказал Резо.

– Вы не дергайтесь, – посоветовал Демидов, – сами понимаете, такой необычный случай. В уголовном розыске всю жизнь работаю, а такого еще не слышал. И вашего напарника убили, который дома был, и ваша знакомая из окна выбросилась. А вы сами успели спрятаться и остались в живых. Если бы вы сами такую историю услышали, что бы вы подумали?

– Ничего, – угрюмо ответил Резо, – я вам правду говорю. Сам видел, как они туда Никиту несли.

– А почему они пришли именно к вам? – снова вступил в разговор Кимелев. Он все-таки прошел и сел во второе кресло. При этом спину держал удивительно прямо, словно сидел на стуле в своем рабочем кабинете, а не в глубоком итальянском кресле, располагавшем к кайфу. В отличие от него Демидов вольготно расположился в кресле, закинув ногу на ногу.

– Не знаю, – честно признался Резо, – сам ничего понять не могу. Может, они с кем-то нас спутали. У нас все нормально, на нас никто в последнее время не «наезжал».

– И все-таки они пришли именно к вам, – упрямо повторил Кимелев, – значит, были какие-то причины? Как вы считаете?

– Наверное, были. Но они ничего не спрашивали. Сразу стали стрелять. Только спросили у Никиты, кто он такой, и сразу убили. Я слышал, как он упал. Сначала не верил, ду-

мал, показалось. Но потом они его принесли... – повторил он.

– А как было с вашей знакомой? – спросил Демидов.

– Она вошла, и они спросили, кто она такая. Потом схватили ее, допытывались, где я нахожусь. Потом... – он поднес руку ко лбу, собираясь с мыслями, – потом она вырвалась и побежала к окну. Я слышал ее шаги и крики главного. Он предупреждал, чтобы не стреляли в нее. Наверное, боялся, что разобьют окно. Потом она подбежала к окну. Там у меня небольшой подоконник из дерева. Видимо, она успела на него влезть. Он несколько раз повторил, чтобы она сошла с окна. Но вдруг я услышал ее крик. Она, видимо, поняла, что они все равно ее стащут с окна и убьют... Поэтому она... – Он не договорил и отвернулся.

– Вы были с ней в близких отношениях, – вдруг тихо сказал Демидов. Он именно сказал, даже не спрашивая.

– Нет. Да. Нет. – Резо совсем запутался и под конец обреченно сказал: – Были, конечно. Но у нее муж. Не хватает только, чтобы он узнал. Хотя какая теперь разница? Он все равно узнает.

– Она пришла позже них? – Кимелев не реагировал на его душевные переживания.

– Немного позже. Они искали меня по всему дому. Все перевернули. Вы же видите, что они натворили в доме.

– Послушайте, Гочиашвили, – сказал Демидов, – я вижу, как вам тяжело. Но вы должны собраться и помочь нам. Кто

это мог быть? Почему они пришли к вам в таком составе? Понимаете, какие-то алогичные убийцы. Пришли к вам домой и ни с того ни с сего убили вашего напарника, потом заставляют выброситься из окна вашу знакомую. И не находят вас, собственно, того, из-за которого они и пришли. Я уже не говорю о том, что если убийц наняли, чтобы они с вами расправились, то гораздо дешевле и проще было бы подождать завтрашнего утра, когда вы выйдете из дома, и спокойно вас пристрелить. У вас ведь нет личной охраны?

– Нет, – ответил потрясенный Резо.

– Ну вот, видите, как все нелогично. Почему убийцы врываются к вам целой командой, а потом, видя, как вы смотрите на них, спокойно уезжают? Или они приехали убить только вашего напарника? Может быть, они охотились за ним?

– Нет, – выдохнул Резо, – они меня искали. По всему дому искали.

– Кто блевал в коридоре? – снова вмешался Кимелев. – Неужели убийцы сначала застрелили вашего напарника, а потом им стало плохо? Судя по контрольному выстрелу в голову, они не новички.

– Это я не выдержал. Когда увидел Никиту на полу. Его лицо.

– У вас на все готовый ответ есть, – недовольно заметил Кимелев, – а между прочим, рядом с вами погибло два человека. Опишите людей, которых вы видели.

– Они не молодые ребята, хотя двое были молодые. Неко-

торым было лет по тридцать, даже по тридцать пять. Их главарю больше. Он коротко пострижен, седые волосы, седые усы. Детально черты лица я не разглядел. Только волосы заметил и усы. И еще он был одет в черную кожаную куртку.

– Это не главное, – нахмурился Кимелев. – А номера автомобилей вы не заметили?

– Нет. Отсюда нельзя было увидеть номера на машинах.

В комнату вошел один из офицеров Демидова и, подойдя к подполковнику, тихо прошептал ему что-то на ухо.

– Никто не видел машин, стоявших у соседнего дома, – мрачно сообщил подполковник. – Вы ничего не путаете?

– Я их сам видел. Нет, не путаю. Два автомобиля там было. Они должны были стоять минут двадцать, может, тридцать.

– Опросили всех соседей, никто не замечал стоявших у дома машин, – снова сказал подполковник. – И еще одна неприятная новость. Ваши соседи по лестничной клетке слышали, как вы вернулись поздно ночью и громко ругались. Так громко, что это слышали все соседи. Чем вы это можете объяснить?

– Мы выпившие были, – признался Резо, – а я сам ничего не помнил.

– Кончай валять дурака, – вдруг с ненавистью сказал Кимелев. – Все и так ясно. Поругался со своим напарником и пришел его из пистолета. А потом свидетельницу из окна выбросил. И каких-то убийц придумал, чтобы мы тебе поверили. Куда ты пистолет дел, мерзавец?

Резо открыл рот, чтобы ответить, и вдруг понял, что все против него. Все улики, все его слова, все показания свидетелей. И он сжался на диване, потрясенный осознанием этого факта не меньше, чем гибелью двоих близких ему людей. А Кимелев, поднявшись, кивнул Демидову:

– С ним все ясно. Будем оформлять задержание. На трое суток до выяснения всех обстоятельств убийства.

Эпизод третий

Они сидели за столом. Друг против друга. И хотя они были знакомы уже много лет, они чувствовали, как между ними возникло напряжение, какое случается даже между очень близкими людьми в минуты крайнего волнения. Собеседники не были близкими людьми. Даже друзьями, в том смысле, в каком трактуют это слово большинство людей. Пожалуй, они вообще не симпатизировали друг другу. Хозяин кабинета считал гостя хамом и выскочкой, сумевшим в нужный момент непонятным образом хапнуть огромную часть собственности. Гость, в свою очередь, полагал, что сидевшему напротив него собеседнику просто неслыханно повезло, он сумел стать богатым и влиятельным человеком не благодаря собственному уму или воле, а лишь по непонятному стечению обстоятельств, вынесших это ничтожество на высшие ступени власти. Оба – люди известные, лица их при мелькались, часто возникая на экранах телевизоров и на первых страницах газет. Но оба собеседника в этот день меньше всего хотели, чтобы об их разговоре узнали посторонние. Когда в кабинете появился гость, его хозяин, поздоровавшись, словно невзначай нажал кнопку дистанционного управления телевизором, включая его почти на полную громкость. Он знал, что никто не получит санкцию на прослушивание его кабинета, но тем не менее решил на всякий случай застрахо-

ваться. По кривой улыбке гостя, руководителя одной из самых крупных компаний в стране, президента межбанковского объединения «Савой», было видно, что тот все понимает.

– У нас все готово, – сказал гость, – мы разработали план до самых мелочей. Осталось только увязать некоторые подробности. Мои сотрудники работали несколько суток подряд.

– Надеюсь, вы не посвящали в свои дела посторонних? – высокомерно спросил хозяин кабинета.

Гость улыбнулся. У него была какая-то хищная улыбка и такой же взгляд, которым он пронзил своего осторожного собеседника.

– Не привлекали, – сказал он, – мы все сделали сами. У нас достаточно надежных людей, чтобы ими распорядиться. Главное – знать, когда и кого использовать.

– Вы уже докладывали о своем проекте?

– Пока нет. Я ждал нашего согласованного решения, – ответил гость. – Или вы считаете, что я должен был поступить иначе?

– Я ничего не считаю. Мне интересно ваше мнение. Собираетесь ли вы докладывать об этом проекте или же решили ограничиться частными беседами?

– Полностью все будет готово через несколько дней. Мы специально выбрали понедельник. За субботу и воскресенье мы обеспечим всю сумму. Тогда и сможем приступить к осуществлению плана по полной программе.

– Вам нужно мое согласие?

– Скорее – ваша консультация. Но, как точку отсчета для дальнейших разговоров, я, конечно, хотел бы получить некоторые гарантии. Иначе вообще не имело смысла начинать подготовку. Мне казалось, что вы совершенно определенно высказывались по нашим мероприятиям. Или я ошибался? Мы всегда считали вас своим союзником.

«Негодяй, – внутренне передернулся хозяин кабинета, – осторожный негодяй. Хочет получить мою санкцию на всю операцию, чтобы замазать нас всех. В случае чего намерен сдать нас всех чохом, чтобы получить индульгенцию».

– Какие гарантии? – шумно задышал он, сжимая кулаки. – Это ваш план. Личный план, который вы сами взялись разработать. Я за все время еще ни разу не сказал, что буду участвовать в разработке или осуществлении вашего плана.

«Трусливый подлец, – подумал, в свою очередь, гость. – Все медлит, медлит, все выгадывает. Пытается угадать, кто победит, какие сыграют козыри. Эта лиса всегда угадывает. Поэтому и сумел удержаться на своей должности. Но без его поддержки план обречен на неудачу».

– Мы не собирались привлекать вас для разработки плана, – осторожно продолжил гость, – мы все сделали сами. Но на решающем этапе нам нужно точно знать – можем ли мы на вас ориентироваться. Если вы не гарантируете свою поддержку, прежде всего информационную и в деловых кругах, мы не станем даже начинать. У нас ничего не выйдет.

Слишком многие захотят нам помешать, по нашим трупам шагнуть в новые политические лидеры. Разве это не ясно?

– Трупы могут быть весьма реальными, между прочим, – заметил хозяин кабинета. Он огляделся по сторонам. И хотя был почти уверен, что их не подслушивают, все же прибавил звук телевизора. И непроизвольно взглянул на шкаф, стоявший справа от него, где находился еще и генератор шумов, искажающий звуки, идущие из этого кабинета.

– Возможно. Но нельзя сделать дело, такое дело, – подчеркнул гость, – без потерь, тех или иных. Мы, однако, разработали план и полагаем, что можно провести всю операцию достаточно быстро и четко.

– А на ваших людей мы можем полагаться? – в лоб спросил хозяин кабинета.

– На моих – да. Но без вашей помощи успех невозможен. Нереален.

– Почему вы считаете, что я обязательно должен поддерживать вас? У меня есть варианты...

Гость усмехнулся. Они избегали смотреть друг другу в глаза, но он все же поймал настороженный взгляд высокого чиновника.

– Я пришел к вам узнать ваше мнение. Мы и так уже в игре. Если вы откажетесь, мы должны будем свернуть наши приготовления. Ваши люди тоже включены в игру. Если вы сейчас откажетесь... – он помедлил минуту, – мы тоже откажемся от своего плана. На этом настаивают все наши друзья.

– Сколько людей уже знают о вашем плане? – нервно спросил хозяин кабинета.

– Мало. Очень мало. И это все надежные люди. Много раз проверенные. Никаких случайностей быть не может. Мы действовали только самых нужных и проверенных. Все случайности исключены. Главное – у нас есть понимание важности нашего мероприятия. Все банкиры, с которыми я имел беседы, согласились с нашим планом. Нужно только ваше согласие, и мы готовы действовать.

– А если все сорвется?

Сановник ждал слов гостя, что при подобном развитии ситуации тот все возьмет на себя. Но гость, понявший, какого ответа от него ждут, молчал. Упрямо молчал. Он не согласен очутиться крайним в этой игре. Ему не улыбалась участь козла отпущения в случае провала. И он упрямо молчал, глядя в упор на хозяина. Понимая, что молчание затянулось, тот шумно вздохнул.

– Значит, говорите, вы не уверены?

– Уверены, – сжал челюсти гость, – абсолютно уверены. Но только в том случае, если вы согласитесь на наш вариант.

– С одним министром вы поговорили, а как быть с другим?

Гость незаметно перевел дыхание. Это был самый трудный момент в их разговоре. Он знал, что рано или поздно тема эта обязательно возникнет. Хотя для себя он все давно решил. И поэтому не стал медлить с ответом.

– С ним договориться невозможно, – откровенно ответил гость.

– Он уже знает?

– Нет, конечно. Но какая-то информация к нему просачивается. Или может просочиться.

– И что вы предлагаете?

– Решение вопроса по существу... – Он чуть помедлил, но все-таки сказал: – Если понадобится устранение этого элемента из игры. Физическая ликвидация. – Два последних слова он произнес очень жестко и внятно.

– Так, – кивнул хозяин, – вот в какие игры вы меня тянете.

– Вам решать, – ответил гость, – все это пока на уровне кабинетных разработок. Игры для взрослых. Ничего серьезного. Пока еще нет сигнала. Если вы откажетесь, возможно, придется использовать другой вариант. Или, отказавшись от данного плана, начать разрабатывать другой. И уже с другими людьми, – с явно прозвучавшей угрозой сказал гость.

Хозяин кабинета понял все, даже без слов. Если он откажется, гость тут же отправится к другому человеку, а тот, другой, имеет не меньшее, если не большее, влияние в стране. И если тот согласится, то в случае успеха гостя и его нового сторонника ему не останется ничего другого, как только паковать свои чемоданы и отправляться на Карибские острова, купив билет в одну сторону. И это при условии, что он вообще успеет выехать из страны. Да, иного не дано, придется рисковать.

– Хорошо, – сказал он, недовольно морщась, – предположим, что я согласен. Когда вы сможете ознакомить меня с деталями вашего плана?

– Послезавтра, – гость едва заметно кивнул, не скрывая облегчения. Он многим рисковал, учитывая осторожность сановника. Если бы тот сегодня отказался, то неизвестно, чем еще закончился бы для разработчиков завтрашний день. На карту было поставлено не только его будущее, но и настоящее, которое его пока что весьма устраивало.

– И последнее, – предостерег хозяин кабинета, – должен вас предупредить: чем меньше людей будет знать о вашем плане, тем лучше. Для вас же.

– Учту, – угрюмо кивнул гость. «Он все-таки перекладывает всю ответственность на меня», – подумал он, но уже не стал ничего переспрашивать. Сегодня состоялся самый важный разговор в его жизни. Он получил согласие на осуществление своего плана. Теперь его уже невозможно остановить. Он посмотрел на часы. Отныне время работало на него. Он перевел взгляд на сановника, сидевшего в своем кресле.

«Если все пойдет нормально, – вдруг подумал гость, – мы отправим тебя выращивать клубнику на даче. Хотя у тебя, стервеца, денег достаточно, чтобы сажать ее где-нибудь в Испании. В любом случае мы постараемся убрать тебя отсюда».

Сдержанно кивнув на прощание и не протягивая руки, он пошел к выходу. Это была его маленькая месть. Когда он вошел в кабинет, его хозяин тоже не стал здороваться с ним за

руку. Теперь они квиты.

Эпизод четвертый

Его привезли в управление милиции. Демидов не стал оспаривать решения старшего помощника прокуратуры, но в душе он был не согласен с таким поспешным арестом подозреваемого. И хотя все выглядело слишком неправдоподобно и фантастично, тем не менее начальник уголовного розыска знал, как иногда на грани фантастики выглядит действительная версия случившегося и как хочется поверить в ту формулу, которую сам придумываешь.

Резо Гочиашвили привезли в милицию, начали оформлять протокол задержания. Демидов прошел в свой кабинет, куда вошел и Кимелев.

– Вы думаете, он виновен? – спросил подполковник. Он не любил фамильярностей и с Кимелевым всегда говорил на «вы», хотя был старше по возрасту.

– Уверен, – кивнул Кимелев, – все сам подстроил. Я даже думаю, что он проговорился. Сказал нам правду насчет женщины. Она действительно была его любовницей, а погибший – компаньоном. Наверное, они были влюблены в одну и ту же женщину. Из-за этого вчера и ругались. А сегодня утром застал их вместе и в порыве ревности убил, а потом выбросил женщину. Такая версия более правдоподобна, чем появление неизвестных убийц в таком количестве, да еще расстреливавшихся в воздухе.

– Почему тогда он не застрелил их обоих?

– Не успел. А может, все происходило несколько в ином порядке. Решил избавиться от надоевшей подружки, а свалить все на своего напарника. Сначала выбросил женщину, а потом пристрелил напарника. Кстати, соседи выстрелов тоже не слышали.

– А если убийцы действительно были? Напарника добивали профессиональным выстрелом в голову.

– Нам лучше проверить, где этот Гочиашвили работал раньше. Он говорит, что кончал МГИМО. Раз он работал за рубежом, мог пройти специальную подготовку. Нужно все проверить.

– Завтра пошлем запрос, – согласился Демидов, – но вообще-то все выглядит очень фантастично.

– Поэтому я и привез его сюда. Посидит, подумает. А если он прав, ему даже на пользу пойдет. Здесь его убийцы три дня не найдут, а мы за это время сумеем выяснить, что за убийцы у него побывали и почему они так хотели убрать именно директора туристической фирмы.

– Он президент фирмы, – напомнил Демидов.

– Какая разница, – раздраженно закончил Кимелев, – пусть назовется хоть губернатором или герцогом. От этого ничего не меняется. Сейчас время такое. Все президенты или генеральные советники. Придумали себе звания. В общем, заканчивайте оформление и отправляйте его вниз. И объясните, что мы его пока только задержали на три дня.

– Объясню, – кивнул Демидов, – хотя ему это вряд ли понравится. Он будет жаловаться.

– Ну и пусть жалуется, – разозлился Кимелев, – я прокурору все доложу, думаю, он меня поддержит. Два трупа из его дома сегодня вынесли, а я должен был оставить его там одного. Может, он наш единственный свидетель. Пусть посидит, для всех полезнее. Завтра кто-нибудь из наших следователей приедет, примет уголовное дело. Вот вы с ним и работайте.

Кимелев вышел из кабинета. Демидов подумал немного, поднял трубку внутреннего телефона.

– Как там у тебя, Зиновьев, все в порядке?

– Заканчиваем уже, сейчас он протокол подписывает.

– Ты его в какую-нибудь камеру получше определи. Все-таки у него такой шок сегодня.

– В четвертую направлю. Там только бомжи сидят. И карманников двое, которых на вокзале взяли. Не обидят.

– Хорошо. И распорядись, чтобы его покормили. Он небось с самого утра ничего не ел.

Демидов отключился. Все-таки напрасно они привезли этого грузина сюда, в милицию. Нужно было оставить его дома и выставить засаду. Если все, что он сказал, правда, убийцы обязательно постараются довершить начатое. Нужно предупредить местного начальника отделения, чтобы поставил там своих людей.

В этот момент ему сообщили, что на одной из улиц совер-

шено разбойное нападение на женщину, которая чудом осталась жива. Демидов вздохнул и приказал готовить машину в больницу, чтобы самому допросить женщину. Возможно, по горячим следам удастся взять насильника, который терроризировал район уже три месяца. Он поехал в больницу, на время забыв о задержанном. Вернулся он лишь поздно ночью. Все оказалось гораздо проще, чем он думал. Насильника нашли довольно быстро. Им оказался бывший муж женщины, который решил отомстить ей таким непонятным образом. Он подстерег жену, когда та вышла из дома, и начал бить железным прутом. Экспертиза показала, что он был в состоянии крайнего алкогольного опьянения, так что сейчас говорить с ним было довольно трудно. Бывшего мужа отправили в камеру поспать и прийти в себя, а Демидов, войдя в кабинет, попросил принести ему чай. «Воскресенье выдалось довольно бурным», – подумал он. И в этот момент ему позвонили.

– Подполковник Демидов? – услышал он в трубке незнакомый голос.

– Слушаю, – устало ответил он.

– С вами говорят из Федеральной службы безопасности. Наш сотрудник хотел бы к вам приехать.

– Прямо сейчас? В половине второго ночи? – удивился Демидов. – Разве нельзя подождать до завтра?

– Можно, – ответил собеседник. – Но мы звонили вам несколько раз, и нам сообщали, что вы выехали на место

происшествия. Вопрос с вашим руководством мы согласуем. Если разрешите, наш сотрудник сейчас к вам подъедет и все объяснит на месте.

– Хорошо, – обреченно согласился Демидов, уже понимая, что поспать не удастся, – пусть приедет, если так необходимо.

Теперь ему нужен хороший кофе. Он с раздражением вспомнил, что завтра или, вернее, уже сегодня в десять часов утра будет совещание у начальника управления. Проспать невозможно, не явиться тем более. А судя по всему, раньше четырех утра он теперь никак не заснет. Придется ночевать, как обычно, в своем кабинете. До дома ведь еще нужно доехать, переодеться, лечь спать, потом проснуться, снова одеться, побриться и приехать на работу. Гораздо удобнее остаться здесь, выспаться на своем старом диване, а утром, побрившись, явиться на совещание. Он позвонил домой и предупредил жену, что не приедет сегодня ночевать. У него была хорошая, все понимающая жена. Она только спросила, ужинал ли он сегодня, и он соврал, что прекрасно поужинал, хотя вспомнил, что еще и не обедал. Видимо, она поняла по его голосу, что он врет, но, как обычно, промолчала. Это было их давнее правило, он обманывал ее по таким вот мелочам, а она делала вид, что верит, понимая, что не должна мешать его работе.

Через двадцать пять минут в кабинете Демидова появился достаточно молодой, очень неплохо одетый, высокого роста

незнакомец с удостоверением на имя майора Федеральной службы безопасности Александра Рожко.

– Слушаю вас, товарищ майор, – предложил сесть гостю Демидов. Он умышленно назвал его «товарищем», хотя тот так же умышленно называл его в ответ «господином». В некоторых элитных подразделениях разведки, контрразведки, службы охраны, службы правительственной связи такое обращение уже прижилось, но в милиции и в армии, которые были гораздо более массовыми и потому более близкими к народу организациями, подобное обращение упрямо не воспринималось. И хотя среди офицеров армии уже находились такие, кто обращался к коллегам со словами «господин», тем не менее оно было чуждо армейскому духу. В милиции все было проще всегда. Там давно разделили всех на «товарищей» и «граждан».

– Господин подполковник, – обратился майор к Демидову, – я приехал к вам по очень важному делу. Мы уже несколько месяцев разрабатываем операцию по выявлению путей переправки контрабанды наркотиков из нашей страны. У нас на подозрении была крупная туристическая фирма, имевшая налаженные контакты за рубежом. Но сегодня вечером мы выяснили, что на квартиру главы фирмы совершено нападение, несколько человек убиты, а сам глава фирмы арестован. В связи с тем, что расследование касается в первую очередь нашей службы, мы просим передать нам задержанного.

– Какого задержанного? – не сразу понял Демидов. Он все еще не понимал, о какой именно туристической компании идет речь.

– Сегодня днем вы задержали Резо Гочиашвили, – пояснил майор Рожко, – поэтому мы просим вас передать расследование дела нашему ведомству. Все необходимые документы мы вам завтра представим.

– Вы подозреваете его в контрабанде? – спросил Демидов, наконец понявший, о ком именно идет речь.

– Мы пока только проверяем, – пояснил Рожко, – но само расследование ведем давно. Завтра у вас будет наш официальный запрос и согласие вашего руководства на передачу задержанного в наш следизолятор. Вы, очевидно, знаете, что у нас восстановили следственное управление.

– Знаю, – кивнул Демидов, – но не понимаю, почему такая спешка?

По давно сложившейся практике в бывшем Советском Союзе следственные аппараты имелись в трех организациях – в прокуратуре, в милиции и в КГБ. Причем последние вели дела, относившиеся к компетенции контрразведки. После развала КГБ у контрразведки отобрали следственный аппарат. Однако жизнь доказала, что решение это было несколько непродуманным. И хотя уже лет двадцать говорили о необходимости вывода всех следователей из различных систем и сведении их либо в один следственный комитет, либо переподчинив следствие Министерству юстиции,

все оставалось так, как было и десять, и двадцать, и тридцать лет назад.

– Мы должны иметь гарантии, что очень важный для нас свидетель не погибнет и даст столь нужные нам показания, – пояснил майор. – Если вы не возражаете, мы заберем его прямо сейчас. А утром я пришлю необходимые документы. Но запрос нашего отдела и расписку я вам, конечно, оставляю.

– Я не могу решать такие вопросы без согласования с руководством управления, – твердо сказал Демидов.

– Бросьте, – лениво проговорил Рожко. – Не стоит лезть в бутылку. Все и так ясно. Из-за какого-то мелкого бизнесмена никто вам ничего не скажет. И потом, вы же его не на волю отпускаете, а передаете в нашу службу.

– Без согласия начальства не могу, – твердо повторил Демидов. – Решение о его задержании принимали работники прокуратуры. Вот и получите разрешение у прокурора. Привезите его разрешение и забирайте куда хотите.

– Где мы сейчас найдем ночью прокурора? – улыбнулся Рожко. – Не будьте формалистом, господин подполковник. Это обычное дело, когда арестованного переводят из одной камеры в другую. Наши, кстати, гораздо более комфортабельны.

– Возможно, – согласился Демидов, – но речь идет не об арестованном. Он всего лишь задержанный. И поэтому без разрешения моего руководства и прокурора я ничего не могу сделать.

– Вы же понимаете, что утром мы привезем вам оба решения.

– Тогда и будем говорить, – стоял на своем Демидов.

– Напрасно вы так упрямитесь, – поднялся майор. – Можно было бы все решить без лишних формальностей.

– У нас такие правила, – сказал на прощание Демидов.

Майор посмотрел ему в глаза. Усмехнулся. И процедил:

– Ну-ну. Вам виднее. – И вышел, не попрощавшись.

Оставшись один, Демидов достал сигареты. Уже несколько лет он давал себе слово бросить курить. Но курил еще чаще и азартнее. Задымив, приказал себе немного успокоиться.

Майор говорил, что они ведут разработку туристической фирмы уже достаточно давно. Странно, что они не установили в таком случае наблюдение за домом подозреваемого. В контрразведке работали достаточно четко, они в таких случаях обязательно берут под контроль квартиру подозреваемого, начинают ее аппаратурой, устанавливают наружное наблюдение. Ничего сделано не было, а такая быстрая реакция настораживает. Откуда они узнали о случившемся? Сводки с места события передаются в МУР, откуда дежурный по городу дает сводку в мэрию, руководству МВД и города. Сводки обычно составляются утром, значит, узнать по официальным каналам они не могли. Тогда получается, что у них все-таки было наблюдение за квартирой. Но как наблюдатели могли не заметить появления убийц? Или их действительно

не было и Кимелев прав? Нужно проверить, где именно был подозреваемый ночью. Если он говорит правду и они много выпили, то должны быть свидетели их ночной попойки.

С другой стороны, если Гочиашвили занимался контрабандой, то этим можно объяснить и появление неожиданных убийц, и те методы, которыми они убрали сразу двух знакомых хозяина квартиры. Но как они вышли из дома? И почему никто из соседей не видел автомобилей, стоявших у дома? Может, они ждали в другом месте и их вызвали по телефону, чтобы не привлекать внимания соседей? Тогда получается, что действовали классные профессионалы.

Выстрелов никто не слышал. Значит, стреляли из пистолетов с глушителями. Стреляли с ходу, как рассказывает Гочиашвили, не дали его напарнику даже времени на ответ. Быстро и безжалостно, с контрольным выстрелом в голову. Насчет женщины они, конечно, оплошали. С другой стороны, они, наверно, перекрыли доступ к входной двери и не думали, что она побежит к окну. Женская логика вообще непредсказуема. Профессионал не может рассчитать, что женщина увидит вдруг свое спасение в окне девятого этажа, выходящем на улицу. Резо рассказывал, что их руководитель сразу все понял и предупредил, чтобы не стреляли. Еще один характерный штрих. Он сразу просчитал ситуацию. Нет, Гочиашвили не мог придумать сразу столько деталей. И наконец, самое важное. Если они его действительно увидели снизу и не поднялись, значит, рассчитывали, что сумеют потом

быстро и достаточно надежно снова добраться до него. Они просчитали возможные варианты и сразу уехали.

Он продумывал до конца все детали и чем больше размышлял, тем больше мрачнел, не замечая, что пепельница уже полна окурков. И в какой-то момент он не выдержал.

– Доставьте ко мне задержанного сегодня Гочиашвили, – позвонил он в дежурную часть.

– Товарищ подполковник, сейчас четвертый час утра, – удивился дежурный.

По существующим строгим правилам нельзя допрашивать подозреваемых и арестованных в ночное и вечернее время. Но сотрудники милиции и прокуратуры, работавшие по вечерам, обычно нарушали это правило. Ночью, однако, арестованных обычно не тревожили. Во-первых, сами офицеры должны были отдыхать. И потом, ночные вызовы трудно скрыть. О них узнавала вся камера, и потом следовал долгий и неприятный разговор с прокурором. Демидов старался не очень злоупотреблять ночными вызовами арестованных, хотя, конечно, как и все остальные, частенько нарушал общее правило. Напомнив ему, который час, дежурный имел в виду прежде всего состояние самого Демидова, который с утра был на работе.

– Ничего, – вздохнул подполковник, – разбудите его и приведите ко мне. Скажите, что надо срочно поговорить.

– Сделаем, – согласился дежурный.

Минут через двадцать в кабинете подполковника сидел

мало понимавший, что происходит, Резо Гочиашвили. Он так и не сумел заснуть в эту ночь после стольких событий, несчастий, внезапно свалившихся на его голову, в ночь своего первого в жизни ареста. Под утро он уже готов был заснуть, несмотря на переполненную камеру, на смрад, стоявший в ее ограниченном пространстве, на мокрую постель, которую он получил в самом плохом углу камеры.

– Извини, что вызвал тебя в такое время, – сказал Демидов, – но мне кажется, что нам есть о чем поговорить.

– Будете разговаривать с моим адвокатом, – упрямо сказал Резо, – завтра утром.

– Завтра тебя может здесь не быть, – вдруг сказал подполковник, – поэтому я и вытащил тебя ночью. Чаю хочешь?

Резо посмотрел на сидевшего перед ним человека. Оценил его тяжелый взгляд, заросшее, небритое, усталое лицо. И почему-то решил поверить.

– Хочу, – кивнул он, – и дайте сигарету.

– Держи, – протянул свою пачку подполковник, – сейчас скажу, чтобы нам чай организовали.

Он поднял трубку, отдал указание. Резо пожал плечами.

– Я все равно не смогу сказать ничего нового, – сказал он более примирительным тоном.

– Давай с самого начала, – вздохнул Демидов. – Собственно, мне как бы уже все равно, тебя затребовало другое ведомство, и завтра утром тебя отсюда заберут. И я еще не был дома, ужасно хочу спать. Если не хочешь разговаривать,

можешь выпить чай и отправляться в свою камеру до утра. Больше мы с тобой все равно не увидимся. Если у тебя есть что сказать, говори прямо сейчас. Через пять минут я уже могу передумать. Да просто засну на своем столе.

– Вы действительно хотите знать правду?

– Перед тем как тебя отдать – да. Утром мне предстоит принять решение, что именно с тобой делать.

– Я рассказал вам правду, – затянулся Резо, – всю правду.

– Начнем еще раз. Зачем ты сделал этот шкаф? Ты думал, что к тебе обязательно придут?

– Нет, конечно. У меня не было врагов. Я просто сделал ремонт и решил устроить для себя такой необычный шкаф. Ну как розыгрыш, что ли. Просто так, для себя, – снова повторил Резо.

– Предположим, что я тебе поверил, – кивнул подполковник. – Тогда объясни, почему именно к тебе явилась целая группа киллеров, которые убили твоего друга, заставили выброситься в окно пришедшую к тебе женщину, и все это случилось именно в тот самый момент, когда ты сидел в шкафу, сделанном просто так, для себя. Ты сам веришь в подобные объяснения?

– Но все было именно так, – со злостью сказал Резо. – Все было так, как я рассказал. И эта группа не обычные киллеры. Они не были похожи на уголовников... Они похожи на...

Демидов молча смотрел на него, пока Резо искал подходящее слово, и терпеливо ждал.

– На... – И Резо вдруг неожиданно для самого себя, потеряв осторожность, выпалил: – На сотрудников спецназа.

– Так, – кивнул Демидов, – значит, ты считаешь, что это мы сами влезли к тебе домой и устроили погром. Может быть, ты думаешь, что я лично командовал убийцами в твоей квартире?

– Нет, конечно, не вы. Того, кто командовал, я сразу узнаю. У него был такой низкий, хриплый голос. Но, поверьте, они не уголовники. Вся группа четко выполняла его команды. Может, правда, они бывшие сотрудники милиции, – нашел другое объяснение Резо.

– Почему ты все-таки думаешь, что к тебе пожаловали сотрудники милиции?

– Они странно себя вели. Во-первых, очень точно выполняли приказы командира. Так может быть в очень сплоченной группе, где все прекрасно знают друг друга и где подчиненным не нужно много объяснять. И еще – они сразу стреляли. Молча, без шума. Вроде они заранее заряжены на убийство. Пусть это не спецназ, но у них были приемы профессионалов.

– Откуда ты знаешь, как действуют профессионалы?

– Я ведь немного поработал дипломатом, видел, как действуют сотрудники госбезопасности за рубежом. Кое-что повидал...

– Понятно. – Демидов нахмурился.

Резо докурил свою сигарету, потушил окурочек и спросил:

– Можно вторую?

– Кури, – кивнул подполковник, – и, если можешь, ответь мне на три вопроса. Первый вопрос: почему соседи не видели машин, которые ждали твоих убийц? Они ведь находились у тебя минут двадцать, если не больше.

– Не меньше тридцати.

– Ну вот, видишь. Как же получилось, что соседи ничего не заметили?

– Я сам не понимаю. Но машины могли отъехать, а потом подъехать, чтобы не стоять у дома.

– Тогда я должен поверить, что они заранее знали, что тебя не найдут. Ты сам в это веришь?

– Нет, – вздохнул Резо.

– И я не верю. Вообще я в дураков не верю. Если они хотели только найти тебя и ликвидировать, то на это требуется минута, даже того меньше, несколько секунд. И отпускать машины им совсем не резон. Значит, они хотели не просто убить тебя, они что-то искали. Или собирались узнать у тебя какие-то дополнительные подробности? Такое возможно?

– Откуда же мне знать! – почти закричал Резо.

– Это ты нам уже говорил. Теперь второй вопрос, что тоже вызывает недоумение: если ты смотрел на них в окно, то получается, что и они видели тебя. Почему в таком случае эти люди снова не поднялись к тебе? Судя по твоим словам, они крутые ребята.

– Да, они меня видели. Тот самый седой поднял голову и

увидел меня. А я его.

– И все же они уехали...

– Да, уехали. У них было мало времени.

– И, наконец, третий вопрос. Самый главный. Почему они явились именно к тебе?

– Если бы я знал, я бы сейчас здесь не сидел.

Дежурный внес стакан чая. Поставил перед подполковником.

– Ему тоже, – кивнул Демидов на задержанного.

– И ему? – удивился дежурный. Но не стал уточнять, вышел из кабинета.

– Я действительно ничего не могу понять, поверьте мне, – повторил Резо. Демидов задумчиво смотрел перед собой. Дежурный принес еще стакан и, поставив его на стол, вопросительно взглянул на подполковника.

– Что тебе? – спросил Демидов.

– Чай горячий, – пояснил дежурный, – может, мне остаться?

В их суровой практике случалось всякое. В том числе и случаи, когда заключенный хватался за стакан кипятка как за оружие.

– Не нужно, – вяло махнул рукой Демидов. За окнами уже начало светать. – Можешь уйти, – разрешил подполковник.

Когда дежурный вышел, Демидов вновь умолк. Долго молчал, что-то обдумывая.

– Сейчас столько всего происходит, что ни черта не пой-

мешь. Я хочу тебе поверить, парень, но что-то не получается. Понимаешь, мне непонятно, почему они пришли именно к тебе. Может, все-таки расскажешь?

– Я же сказал – ничего не знаю. Если бы я хоть что-то понимал... Честное слово, не знаю.

– Может, у тебя были долги?

– Был небольшой кредит в банке. Но до конца срока еще полгода, и я исправно платил проценты. Да и в банке работает мой двоюродный брат, он бы меня предупредил, если бы что.

– Бери-ка стакан, – подполковник кивнул на стакан. – Или ты кому-то дал в долг? Сейчас давать большую сумму еще опаснее, чем ее брать.

– Не дурак, – усмехнулся Резо, – сам знаю. Французы говорят: если у вас берут пятьсот франков, то должник зависит от вас, но если у вас берут пятьдесят тысяч, то уже вы зависите от такого должника. Никогда не даю в долг большие суммы. И маленькие тоже не даю. Долги портят дружбу.

– Грамотный, – вздохнул Демидов, – слушай, давай кончать трепаться. Уже утро почти. Через несколько часов тебя заберут в ФСБ. Они уже приезжали ко мне, просили выдать тебя. И знаешь, почему я отказал?

– Не захотели ночью возиться со мной?

– Не угадал. Я удивился, откуда они так быстро узнали о тебе, вообще о том, что случилось в твоей квартире. Сводку мы еще передать не успели. Получается, что они знали обо

всем по своим каналам. Понимаешь?

Резо, потянувшийся за стаканом чая, опустил руку, оторопело уставившись на подполковника.

– Выходит, что они либо тебя вели, либо следили за твоими убийцами. В любом случае ты вызвал их повышенный интерес.

Резо вытер ладонью лоб. Обхватил пальцами горло, словно чувствовал удавку на шее. И хрипло спросил:

– Что же мне делать?

– Говори правду, и я постараюсь тебя продержать у нас еще несколько часов, пока к тебе не придет адвокат и все не будет оформлено как полагается.

– Я не знаю. Сам ничего не понимаю. Они позвонили в дверь и, когда узнали, что Никита мой компаньон, сразу же его убили.

– Почему? Почему они не позвали тебя? Логичнее было бы сначала найти тебя, а потом уже убирать неудобного свидетеля. Они у него что-то спрашивали?

– Нет. Только спросили, кто он такой. Хотя нет, подождите. Я слышал, как его спросили: «Вы его компаньон?», а потом услышал, как он падает. Они, видимо, стреляли из пистолетов с глушителями.

– Сразу начали стрелять?

– Да, сразу.

– Тогда выходит, что вы оба интересовали убийц. Не только ты, но и твой компаньон. Такое может быть?

– Может, вполне. Мне даже кажется, что так и было на самом деле. Они хотели убрать нас обоих, а с женщиной произошло случайность.

– Тогда тем более интересно, почему вы привлекли к себе осведомленную группу высокопрофессиональных убийц. Если учесть, что соседи не видели машин у дома, то получается, что оба автомобиля сразу отъехали, чтобы появиться через несколько минут. Когда их вызовут по телефону. Все сработано четко и аккуратно. Единственная осечка – с женщиной, но никто не мог предвидеть, что она окажется такой решительной и захочет выброситься. И все же – чем вы привлекли их внимание?

– Если бы я знал...

– Ваша фирма отправляла в последние дни какие-нибудь специальные группы? Может, к вам обращались с какими-то необычными просьбами?

– Нет, обычные группы, обычные рейсы. Один чиновник приезжал со скандалом, чтобы его группы поместили в гостиницу, которая предусмотрена в договоре. Но мы дали гостиницу такой же категории, и инцидент был исчерпан. Нет. Ничего криминального у нас не происходило. Я вообще всегда был категорический противник разного рода криминалов.

– У вас была «крыша»?

– Вы имеете в виду защиту от бандитов? В первое время была. Но потом их группу разгромили. Вожака арестовали,

многие разъехались, двоих, кажется, убили. Нет, последний год мы никому и ничего не платили.

– Может, месть со стороны оставшихся?

– Нет. У них были трудности не с нами, а с милицией и с конкурентами. К нам, во всяком случае, никто не обращался.

Резо уже пришел в себя и даже взял стакан чая.

– Давай сначала. А если конкуренты?

– Какие конкуренты? – улыбнулся Резо. – В городе несколько тысяч туристических фирм. Думаете, все убивают друг друга?

– Я не думаю, я спрашиваю, – разозлился Демидов. – Я хочу понять, почему именно к тебе явились эти ублюдки, почему искали тебя, почему пристрелили твоего друга, заставили выброситься твою женщину? Если ты, конечно, нам не врал.

При упоминании погибшей Резо помрачнел. Он вспомнил о собственной трусости и нахмурился. Поставил стакан на стол. Отвернулся.

– Ничего я вам не врал, – устало сказал он. – Хватит меня мучить. Я ничего не знаю. Может, в КГБ больше знают, вот пусть они мне и расскажут, что там случилось.

– КГБ давно уже нет, – напомнил Демидов, – сейчас ФСБ.

– Какая разница? – отмахнулся Резо. – Все одно и то же. Как их ни называй. Может, убийцы ошиблись. Хотя у Никиты они точно спросили – он мой компаньон или нет. Значит, искали нас.

– Ничего больше не хочешь сказать? – спросил подполковник.

– Я уже все сказал.

– У тебя есть свой адвокат?

– Нет.

– Я позвоню утром одному знакомому адвокату, чтобы он приехал до того, как тебя от нас заберут. Опиши-ка мне еще разок человека, которого ты разглядел в окно.

– Среднего роста, коротко пострижен, седой. В кожаной куртке. Усы не густые, а скорее щеточка усов над губой. Мне так показалось, далеко все же было. У него резкие такие черты лица, развитой торс, может, раньше занимался спортом. Весь такой энергичный, ловкий, подвижный. Хотя лет ему никак не меньше сорока пяти. Может, даже больше. И голос хриплый. Если услышу, сразу узнаю.

– Много было в его группе людей? – спросил подполковник и осекся. – Сколько было этих стервецов?

– Человек пять или шесть, по-видимому. Они быстро сели в машины и сразу отъехали. Да, теперь я точно уверен, что это были не простые бандиты, а очень подготовленные люди. Машины развернулись вместе и сразу же отъехали. Подождите, – вдруг сказал Резо, поднося ладони к лицу. – Я вспомнил, как они говорили. Один сказал, что понаехало много черных. Это он так о кавказцах. И сказал, что не может найти деньги в квартире, не знает, где я их спрятал. А другой заметил совсем тихо: «Громко не говори, сам знаешь,

что за такие вещи бывает». Так и сказал. Они не были бандитами, – уверенно закончил Резо.

– Ясно, – хмуро подвел итог Демидов, – я примерно так и думал. Все сработано на высшем уровне. За исключением одного промаха с женщиной. Но я бы тоже отсекал в первую очередь входную дверь. Они не могли и подумать, что она решится выброситься.

– Что теперь? – спросил Резо.

– Иди в камеру и до утра никому ничего не рассказывай, – посоветовал Демидов. – Утром придет твой адвокат. У него немного странная фамилия – Чупиков. Евгений Алексеевич. Он немного старше тебя, но человек опытный, раньше в КГБ работал, поэтому на таких делах собаку съел. Может, он тебе поможет, раз мы не в состоянии. Возьми пачку сигарет, у меня есть еще одна.

Резо с благодарностью кивнул и поднялся, собираясь выйти, и в этот момент Демидов выдал свое последнее напутствие:

– В камере ничего не рассказывай. Целее будешь. У твоих убийц может найтись какой-нибудь знакомый и в твоей камере. Постарайся сегодня до утра вообще не спать. Очень полезно для здоровья.

Рассказ третий

В этот вечер я собирался уйти вовремя, чтобы успеть еще раз пообщаться с Игорем. Алене я уже позвонил и договорился, что на время возьму мальчика к себе. И рассказал ей о помощи Семена Алексеевича. Она сухо поблагодарила, словно ничего необычного не произошло. А ведь речь шла об очень крупной сумме. Видимо, Алена считала, что я смогу достать такие деньги. Из-за нескольких «засветившихся деятелей», которые сумели сделать свои деньги, используя близость к политикам, нас всех считали богачами. Обидно, что так думают обо всех. Среди нас есть, конечно, подонки, но в большинстве своем мы порядочные и вполне нормальные ребята – работаем, влюбляемся, женимся, думаем о своих семьях и растим детей, иногда даже болеем. Если же верить распространенным журналистским штампам, то можно подумать, что все мы монстры и продавшиеся паскуды.

В общем, Алена отнеслась к моему сообщению довольно спокойно, возможно, слишком спокойно, и это меня немного обидело. Может, она действительно считала, что я обязан помочь ей? Во всяком случае, трубку я положил уже с испорченным настроением, но ей ничего не сказал.

Вечером я поехал и забрал Игоря. Узнав о его болезни, я совершенно изменил свое отношение к нему. Теперь он казался мне совсем другим – более взрослым, более мудрым,

даже более красивым. Я, правда, не знал, как общаться с сыном. Сводить в кино или в парк? Мне казалось, что это глупо. Я решил, что мы съездим к Виталику. В конце концов, парню всегда полезно пообщаться с умным человеком. А Виталик не просто умный, а заумный – как раз то, что нужно. Он редкий эрудит и прекрасный шахматист. Когда же по телевизору начинают задавать каверзные вопросы в какой-нибудь популярной игре, он отвечает мгновенно, словно заранее знал, каковы будут вопросы. А кроссворды с ним просто неинтересно разгадывать. Я обычно решаю кроссворды сам, а те слова, которые не знаю, оставляю для него. Он берет мой кроссворд и тут же заполняет клетки, заодно и мои ошибки исправляет. У меня в отношении Виталика даже некий комплекс неполноценности возник.

Правда, квартирka у него маленькая, двухкомнатная, но зато вся забита книгами, уже в прихожей висят книжные полки. Виталику я позвонил и предупредил, что мы приедем к нему. Он, молодец, не поленился и купил какое-то мудреное печенье. Я ему не стал ничего говорить, просто сказал, что приеду к нему со своим сыном. Мне было интересно, как они станут общаться.

Потом, вспоминая этот вечер, я понял, что неосознанно сделал самый правильный ход. Они и раньше знали друг друга, но почти не общались. Однако Виталик, общаясь с мальчиком, как-то сразу нашел верный тон. Он просто отнесся к нему как к равному, как к одному из моих друзей. Сначала

мы вместе пили кофе, потом играли в шахматы, причем мы играли вдвоем с Игорем против Виталика и, конечно, проиграли, хотя сражались изо всех сил. Это тоже было в стиле Виталика. Он никому не делал послаблений, не играл в поддавки. Игра всерьез – его жизненный принцип. Вот мы и продули.

Потом мы снова пили кофе, а Игорь осматривал библиотеку Виталика. И даже отобрал несколько книг, которые ему показались интересными. Я специально посмотрел, какие книги ему приглянулись. Вы не поверите, но это был Тойнби. «Цивилизация перед судом истории». Представьте, что читает мальчик его возраста? Вторая книга была «Опыты» Монтеня. А третья – фантастика Хаббарда. При виде последней Виталик чуть поморщился, и я это заметил. Но зачем же тогда он сам держит эту книгу у себя дома? А вот Монтень и Тойнби меня поразили. Недостижимые имена. Космос, в котором я никогда не побываю. Когда Игорь взял эти книги, я подумал о том, что из парня, возможно, что-нибудь получится. Видимо, так же подумал и Виталик. У него был такой довольный вид, словно это его сын выбрал такие книги.

Уже в машине Игорь сказал мне:

– У тебя хороший друг.

– Знаю, – кивнул я. – Мы знакомы уже сто лет.

– Он играл на выигрыш, – сказал сын, и я понял, что Игорю это понравилось.

И в этот момент зазвонил мой мобильный телефон.

– Слушаю, – сказал я. И услышал голос своего сотрудника:

– Леонид Александрович, у нас ЧП. Просят срочно приехать.

– Что случилось?

– Только что передали. Убит Семен Алексеевич.

В следующее мгновение я чуть не врезался в стоявшую у светофора машину. Затормозил свою «девятку» так, что на меня все обернулись. Посмотрел на Игоря. Потом спрашиваю своего сотрудника:

– Как это случилось?

– Так вы приедете? – ответил тот вопросом на вопрос; видимо, в отличие от меня понимал, что такие разговоры не ведут по мобильному телефону.

– Да-да, конечно. Сейчас. Прямо сейчас и приеду.

Я развернулся. Развернулся так резко, что все сидевшие в соседних автомобилях приняли меня за сумасшедшего. Я даже слышал, как некоторые из них что-то орали мне вслед. Я же дал газ, даже на несколько секунд забыл про Игоря. Потом опомнился. Взглянул на сына. И тут же вспомнил про деньги. И про Семена Алексеевича. Но про наш вечерний разговор думать не хотелось.

– Игорь, – негромко сказал я, – ты уж извини, я тебя у метро высажу. У меня на работе срочное дело.

– Все понял, – кивнул сын. – Не беспокойся. Доберусь сам. Можешь остановить у следующего светофора. Оттуда неда-

леко до станции метро.

– Идет. – Я прибавил газу. – Только книги не потеряй.

У светофора я остановился. Игорь вылез и помахал мне на прощание. В этот момент я даже о нем думал меньше, чем о Семене Алексеевиче. Что могло случиться? Как убили? Кому он мог помешать? Может, попал в автомобильную аварию?

Автокатастрофы – наш бич. Мы привыкли носиться по городу на диких скоростях, не обращаем внимания на светофоры и сотрудников ГАИ. Нас не останавливали, а если даже мы тормозили, отпускали тут же. С сотрудниками службы охраны никто не желает связываться. Тем более что у многих из нас имелись специальные удостоверения, запрещающие инспекторам ГАИ досматривать наши автомобили. Мы привыкали носиться на предельных скоростях; и как следствие – чаще других попадали в аварии. Но у Семена Алексеевича была служебная машина и довольно опытный водитель.

В общем, гадал я недолго. Вошел в кабинет и почти сразу узнал, что никакой автомобильной аварии не было. Произошло обычное заказное убийство. Семен Алексеевич вошел в свой подъезд, и неизвестный выстрелил три раза. В грудь и в лицо. А потом произвел контрольный выстрел в голову. Значит, Семен Алексеевич успел повернуться и увидеть своего убийцу. Это я понял сразу.

Старших офицеров, которых удалось вызвать, собрали че-

рез пятнадцать минут у начальника службы охраны. Таким мрачным я его никогда не видел.

– Если журналисты что-нибудь узнают, голову всем оторву, – заявил он. – Труп уже увезли, там дежурят наши сотрудники. Я говорил с людьми из ФСБ, они формируют специальную группу для расследования совместно с нашей службой и работниками прокуратуры. От нас в группу расследования войдут... – Начальник немного помолчал, потом сказал: – Подполковник Литвинов.

Услышав свою фамилию, я вздрогнул. Откровенно говоря, не ожидал, что назначат меня. С другой стороны – вполне логично. Первый заместитель Семена Алексеевича должен был занять его место в отделе. Я являлся офицером в отделе, все знали, что мы дружили с покойным, более того: я всегда считал себя его учеником. Именно поэтому было логично, что меня прикомандировали к группе, которой предстояло вести расследование. Я поднялся.

– От всех остальных дел мы вас освобождаем, – сообщил начальник службы охраны. – Я сегодня доложу, что расследование уже начали. Нужно добиться максимального результата в кратчайшие сроки. Главное – выяснить мотивы убийства. Никаких коммерческих интересов, насколько я знаю, у Семена Алексеевича никогда не было. Значит, что-то другое? Если это связано с нашей работой, то почему убирают именно его? Какой секретной информацией он располагал? В общем, Литвинов, постарайтесь все выяснить. Даю вам в

помощь двух наших лучших офицеров. Есть вопросы?

Все смотрели на меня. За столом сидели человек двадцать наших офицеров. Я ответил:

– Вопросов нет. Разрешите немедленно выехать на место происшествия?

– Идите. С вами поедут майор Зоркальцев и капитан Кислов. Машина ждет вас внизу. Никаких интервью, никаких комментариев, если начнут приставать журналисты. Все поняли?

– Да.

Я вдруг заметил, какими глазами смотрит на меня заместитель. И снова невольно вздрогнул, вспомнив вечерний разговор. Может быть, я поторопился? Или поторопился Семен Алексеевич? Вообще-то я человек не робкий, но все это очень настораживало. И болезнь мальчика, и случайно подслушанный разговор, и смерть Семена Алексеевича. Я смотрел на заместителя начальника службы охраны, на его огромный лысый череп, на его мясистое лицо – и молчал. Он же глядел на меня с полнейшим равнодушием. Впрочем, как и на всех прочих сотрудников. Вообще-то он был очень толковый специалист, Михаил Константинович Облонков. Прекрасный аналитик, настоящий профессионал. Если бы я собственными ушами не слышал его голос, никогда бы не поверил, что он мог обсуждать какие-то противозаконные вещи. Противозаконные? Я снова посмотрел на Облонкова. Или это совпадение? Может, именно из-за меня убили Семена

Алексеевича? Но неужели он мог так глупо подставиться? Нет, на него не похоже. Или все-таки Облонков виновник случившегося?

Я вышел из кабинета с твердым намерением во всем разобраться. Разобраться и понять: как могло произойти столь чудовищное убийство? В темно-синей «Ауди» уже сидели Кислов и Зоркальцев. Я уселся рядом с Кисловым, и мы отъехали.

– Что уже известно? – повернулся я к Зоркальцеву.

– Он вошел в подъезд, и его убили, – сообщил тот. – Было несколько выстрелов. Но никто ничего не слышал. Очевидно, убийца воспользовался пистолетом с глушителем.

– Почему он не переехал в новый дом? – вздохнул я. – Там хоть дежурит во дворе сотрудник милиции.

– Гриша, его водитель, сидел в машине и ничего не слышал, – сказал Зоркальцев. – Семен Алексеевич сказал ему, что поднимется наверх за документами. Когда он не вышел через полчаса, Гриша ему позвонил по телефону. Но там сказали, что Семен Алексеевич не приходил домой. Тогда Гриша вошел в подъезд и нашел его. Семья пока ничего не знает. У водителя хватило ума сначала сообщить нам. Приехали наши сотрудники и увезли тело. Его родным мы сообщили, что Семен Алексеевич вылетел в срочную командировку. Поэтому пока никто ничего не знает.

– Значит, нам еще предстоит сообщить о его смерти жене? – помрачнел я.

– Видимо, да, – вздохнул Зоркальцев, офицер среднего роста, уже начинающий лысеть.

– И никто не видел погибшего?

– Практически никто. Наши сразу сообщили в ФСБ и в прокуратуру. И те, и другие приехали почти одновременно. Сделали все снимки и увезли труп.

«Труп», – подумал я. Это было самое страшное. Живого человека, умницу, интеллигента, порядочного, внимательного, хорошего семьянина вдруг называют «трупом». Как-то все... глупо и непонятно получилось. Кто виноват в его смерти? Может, пристрелить Облонкова, а потом отсидеть за это десять лет? Господи, как раз срок, на который можно будет сдать мою квартиру.

– Он поднимался в кабине лифта? – спросил я.

– Нет, не дошел до лифта. Его расстреляли прямо у лифта.

– Его оружие нашли?

– Да. Убийца ничего не взял.

– Гриша видел убийцу?

– Никого он не видел, – проворчал Зоркальцев. – Машина стояла рядом с подъездом, но Гриша читал газету и не обращал внимания на входивших и выходивших.

– Многие ли выходили?

– Да не знает Григорий ничего. Ему показалось, что кто-то выходил, но он точно не помнит.

– Идиот, – невольно вырвалось у меня. Гриша мог бы заметить убийцу, если бы был повнимательнее. – Где он? –

спросил я.

– Труп? – не понял майор.

– Нет, водитель. – Я старался держать себя в руках.

– В прокуратуре. Они обещали подождать нас, чтобы допросить его в присутствии наших сотрудников.

Я молчал целую минуту. Достал сигарету. Курил и молчал. Курил, хотя давно дал себе слово бросить эту дурацкую привычку. Наконец снова спросил:

– Значит, стреляли в лицо?

– Да. Видимо, убийца прятался за шахтой лифта. Он появился неожиданно и сразу открыл огонь.

– Выходит, точно знал, в кого стреляет, – сказал я.

– Да, разумеется, – кивнул Зоркальцев. – Будете осматривать место происшествия?

– Обязательно буду. Только к нему домой я не пойду. Не смогу. Я хорошо знаю его жену и дочь. Поднимайтесь сами, если, конечно, сможете.

– Хорошо, – помрачнел Зоркальцев. Ему тоже было не очень приятно выполнять подобную миссию.

Мы подъехали к дому. Подъехали в половине двенадцатого вечера. У подъезда стояла машина. В ней находились двое сотрудников милиции и наш офицер. Заметив нас, они выбрались из автомобиля.

– Все нормально, – доложил наш сотрудник.

– Соседи знают? – спросил я.

– Двое знают. Проходили в этот момент домой. Но не зна-

ют, кого именно... Мы сказали им, что пьяный зашел в их подъезд и упал, разбился. Когда они проходили, мы накрывали тело простыней, чтобы никто не увидел лица.

– Правильно, – кивнул я. – Пойдемте.

Мы вошли в подъезд. Здесь не было даже замка на входной двери. Обычный московский подъезд в старом доме. До лифта – шагов десять. Нужно было пройти площадку, отделанную кафелем, подняться на три ступеньки и, пройдя еще несколько шагов, подойти к лифту. Видимо, убийца стрелял, стоя у почтовых ящиков. Я осмотрел стену. Так и есть: следы пуль. И кровь. Видимо, не успели все замазать.

– Когда это случилось? – спросил я у Зоркальцева.

– Часа два назад, – ответил майор. – Сотрудники прокуратуры здесь все осмотрели. Нашли гильзы. Полчаса назад приехали наши, постарались немного отмыть стены и пол. Следователь прокуратуры не возражал, они уже сделали снимки, провели съемку. Патологоанатом считает, что смерть наступила мгновенно, но нужно подождать результатов вскрытия.

– Лифт работает?

– Да. Хотите, чтобы я поднялся к нему домой прямо сейчас?

Я посмотрел на часы.

– Нет. Пусть проведут спокойно хотя бы эту, последнюю, ночь. Утром мы им все равно сообщим. Не нужно сейчас подниматься. Поехали в прокуратуру.

Когда мы уже садились в машину, Зоркальцев спросил:
– Вы были друзьями?

– Больше чем друзьями, – ответил я. – А вообще-то вам завтра не нужно к нему приходить. Это мой долг. Я утром сам им обо всем сообщу. Так будет лучше.

Когда мы отъехали от дома, я вспомнил про Игоря. Теперь рассчитывать на чью-то помощь не приходилось. Нужно рассчитывать только на себя. Но если Семена Алексеевича убили из-за меня... Тогда моя квартира будет долго пустовать, твердо решил я. И убийца – или тот, кто его послал, – все равно появится в том подъезде, куда я приведу его перед тем, как выстрелить ему в лицо.

Я ни на минуту не забывал об убийстве друга. Мы говорили с ним накануне, в шестом часу вечера. А убили его примерно через три-четыре часа. Но как же он так глупо подставился? Вот этот вопрос меня и смущал более всего. Семен Алексеевич – не просто мой учитель. Он был настоящий профессионал и не стал бы задавать дурацкие вопросы. Тем более не стал бы так глупо подставляться... Значит, моя история никак не связана с его убийством, старался я успокоить себя. Я обязан был верить в рассудительность и осторожность моего бывшего начальника. Тогда почему его убили? И кто это мог сделать?

В любом случае я решил вести следствие по-своему. И по своим законам покарать убийцу, если удастся на него выйти. Пока мы ехали в прокуратуру, я выкурил еще две сига-

реты. Зоркальцев и Кислов, видимо, понимали мое состояние и поэтому ни о чем не спрашивали, вообще ничего не говорили. И я был им очень благодарен. Вообще мужчины должны поменьше говорить. Я всегда с подозрением относился к болтунам. Может, потому, что за болтливостью всегда стоят какие-нибудь комплексы. Либо комплекс превосходства, выражающийся в желании нравиться всем и каждому, либо комплекс неполноценности, когда хочется привлечь к себе внимание. А бывает – «комплекс труса», когда просто боишься тишины. Потому что тишина чем-то напоминает смерть. Она, тишина, означает не просто молчание, а нечто большее, нечто губительное для живых существ. Звук есть жизнь. Тишина – смерть.

Мы приехали в городскую прокуратуру уже в первом часу ночи. Зоркальцев выступал в качестве провожатого. В кабинете заместителя прокурора города продолжалась работа. Видимо, кто-то позвонил и поручил взять дело под особый контроль. То есть сам заместитель прокурора занимался расследованием. Я его не знал до этого. Но он с первого взгляда мне не понравился. Невысокого роста, плоское, как блин, лицо, широко посаженные глаза, пухлые губы, но самое главное: во взгляде абсолютное безразличие ко всему на свете. Казалось, ничто не могло вывести этого человека из себя. Потом я узнал, что он раньше работал в военной прокуратуре. Представляю, как его не любили в армии и каким дуболомом он был. Да и фамилия у него была соответствующая

– Дубов. Словно кто-то в насмешку дал ему именно такую фамилию.

Руководителя группы сотрудников ФСБ, которые уже начали расследование, я немного знал. Этот как раз был неплохим парнем, хотя я сразу подумал, что он-то вряд ли способен провести подобное расследование. Подполковник Галимов работал в центральном аппарате уже несколько лет. Его перевели в Москву из Башкирии. Говорили, там он отличился, проявил себя настырным и цепким следователем. Однако в Москве это не самые важные качества. Здесь нужно знать конъюнктуру, иметь собственную агентуру и обширные связи. Галимов был высок, худощав, с монгольским разрезом глаз, по-русски говорил даже лучше Дубова. Тот был родом с Украины, и это очень даже чувствовалось. Галимов же работал в Москве уже четвертый год, но все еще оставался провинциалом в душе.

Видимо, руководство ФСБ решило немного схитрить. Если все пройдет нормально, они припишут успехи себе, если все будет не так, как нужно, то Галимов – идеальная фигура для подставки, «мальчик для битья». Впрочем, он был человеком упрямым и настойчивым. Главное – дотошным. Такой не успокоится, пока не проверит все версии. А вот следователь прокуратуры мне понравился. Очень даже понравился. Саша Лобанов. Молодой, симпатичный, умный. Я где-то читал, что после тридцати лет человек не может притворяться. То есть лицо превращается как бы в маску, которую уже

не снять. Впоследствии я узнал, что Саше как раз исполнилось тридцать. Если у Николая Николаевича Дубова было непроницаемое лицо идиота, если у Галимова в глазах светилось упрямство, как бывает у хорошей охотничьей собаки, то в глазах Саши Лобанова я прочел любопытство и ум – самые важные качества для любого следователя. Умные глаза – это прекрасно, хотя девяносто девять процентов следователей имеют злющие-презлющие глаза.

Кислов остался внизу, а мы с Зоркальцевым вошли в кабинет. Вошли в тот самый момент, когда Дубов уже начал нервничать. Гриша сидел в соседнем кабинете и дожидался нас – чтобы дать показания. По существующим правилам сотрудников ФСБ и службы охраны допрашивали лишь в присутствии представителей их ведомств. Конечно, если их допрашивали как свидетелей.

Мы сидели за длинным столом Дубова, когда в кабинет вошел Гриша. Он был явно расстроен. Я представил себе, что он чувствовал, когда вошел в подъезд и обнаружил убитого. Они ведь работали с Семеном Алексеевичем уже несколько лет. К счастью, парень сдержался, не закричал, не позвал соседей. Он догадался сразу позвонить к нам, иначе убитого уже показывали бы по всем телевизионным каналам. Грише было всего двадцать шесть, и сегодняшняя ночь оказалась, наверное, самым серьезным испытанием в его жизни.

– Садитесь, – кивнул заместитель прокурора. Он решил, что сам будет вести допрос свидетеля – как самый старший

по званию. Кроме того, формально именно он возглавлял следствие. Мы с Галимовым имели чин подполковника, Саша Лобанов был всего лишь младшим советником юстиции, то есть примерно майором. А Дубов являлся старшим советником, к тому же мог рассчитывать на генеральские погоны. – Вы Григорий Чувелев? – произнес заместитель прокурора. – Сотрудник службы охраны?

– Да, – кивнул Гриша; у него был такой несчастный вид, что мне стало жаль его.

– Наши сотрудники уже успели с вами поговорить, – продолжал Дубов, кивая на Лобанова. Видимо, тот успел побывать и на месте преступления. И, конечно, успел переговорить и с Гришей. – Но мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. – Дубов посмотрел на Галимова, потом на меня. Мы оба кивнули в знак согласия. – Расскажите, что случилось с вашим начальником, – сказал заместитель прокурора. – Только рассказывайте подробно, не торопитесь.

– Я уже все рассказал вашему следователю, – Гриша кивнул на Лобанова.

Похоже, увидев меня, Гриша стал еще больше нервничать. Он-то знал, кем был для меня Семен Алексеевич.

– Расскажите еще раз. – Дубов строго взглянул на водителя. – И все по порядку.

– Мы выехали без десяти девять, – начал Гриша. – По дороге заехали в магазин, он должен был купить, кажется, сыр... Точно не знаю, Семен Алексеевич вошел в магазин

один. Потом подъехали к дому, и он попросил меня подождать. Сказал, что у него еще одно срочное дело. Вошел в подъезд. А я стал читать газету. Минут через двадцать посмотрел на его окна. Все было в порядке. Еще минут через двадцать я решил проверить. Он ведь никогда не опаздывал. Я позвонил ему домой по телефону, но мне сказали, что он не приходил. Тогда я достал оружие и бросился в подъезд. Семен Алексеевич лежал за шахтой лифта, на лестнице. Но его туда оттащили, потому что на стене, рядом с лифтом, были капли крови и разбитые плитки кафеля. Я даже сначала не поверил, что его убили. Стреляли в лицо и в грудь. Наклонился, хотел посмотреть, взяли ли оружие. Но потом решил позвонить нашим. Пока они ехали, я все-таки осмотрел тело и увидел, что документы и оружие на месте. Прикрыл тело брезентом из машины. Потом приехали наши... – Гриша помолчал, потом добавил: – А после них – ваши. Вот и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.